

Анатолий ШЕРСТОБИТОВ

18+

БУРСИТЕТ

приключения удалых пэтэушников,
а также их наставников, кого бы
учить да учить, но некому

Анатолий Шерстобитов

**Бурситет. Приключения
удалых пэтэушников, а также
их наставников, кого бы
учить да учить, но некому**

«Издательские решения»

Шерстобитов А.

Бурситет. Приключения удалых пэтэушников, а также их наставников, кого бы учить да учить, но некому /
А. Шерстобитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837497-5

Сюжетные аналогии романа можно провести с повестью «Республикой ШКИД», «Педагогической поэмой» Макаренко, «Очерками бурсы» Помяловского, только озоруют тут современные курсанты ПТУ и приставленные к ним учителя разных мастей. Остросюжетное повествование покажет нам непростую жизнь молодого военрука, вчерашнего инженера Виктора Истомина, ряда его коллег и нескольких ребят из семей самых пестрых. В довесок к дикому темпу работы в училище у Виктора любовные проблемы с красавицей-женой...

ISBN 978-5-44-837497-5

© Шерстобитов А.
© Издательские решения

Содержание

Становление	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Бурситет
Приключения удалых пэтэушников,
а также их наставников, кого
бы учить да учить, но некому
Анатолий Шерстобитов

© Анатолий Шерстобитов, 2017

ISBN 978-5-4483-7497-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Становление

Часть первая

Глава 1

– Мама! Куда я попал!.. – Ожесточение – Позорный срыв – Муки совести – Угроза от неизвестных —

Ноябрьским, уже по-зимнему морозным деньком по неухоженной, давным-давно асфальтированной дороге мчался мотоциклист. Смотрел вперед он то левым, то правым глазом, так как не успевал смаргивать обильную от ветра слезу, бормотал при этом изошренные проклятия себе, недоумку, кто сел в такую пору за руль этого старого, ободранного «восходишки». Он сильно замерз, этот гонщик, и потому очень старательно вжимал поднятые ступни и левую руку в ребрышки охлаждения движка, ложился грудью на бак, хоть чуток умаляя стылость ветра, что было сил напрягался, задерживая дыхание, но озноба прогнать не мог. То и дело отжимая соплю, он пропускал выбоины, только и успевая немного привставать, гася удары. Проклятия тогда звучали еще изошреннее и громче.

С вершины одного из подъемов открылся взгляду небольшой поселок.

«ГПТУ-23 пос. ДУБКИ», вещал дорожный указатель. Буковки «пос» можно было легко принять за жирное тире.

– Какие откровения, – процедил мотоциклист, – все, что ли, одубевшие, или через одного?.. А я к вам, в вашу рощу.

В вестибюле крупная, полноватая бабуса, по всему, гардеробщица, не прерывая спорого вязания шали, заинтересованно глянула на гостя поверх очков. Тот переминался чуть растерянно, жадно напиваясь теплом, приглаживал всклоченные волосы и звучно шмыгал носом.

– С кем свидеться хотел, сынок?.. С директором? Так то на втором этаже, налево иди, там лестница. – Бабуса сидела как-то основательно и по-домашнему уютно, что не совсем вязалось с казенным помещением. – Замерз-то как, прочернел, – посетовала она и потянула из-под стула сумку, – иди-ка сюда, я тебе из термоса чайку плесну горяченького. – Но когда подняла голову, шаги гостя уже стихали в конце коридора. – Экий торопышный, – проворчала она, – оттаял бы хоть немножечко...

– И видел где-то, да не вспомню, – признался директор. Добрых полминуты после приветствия всматривался. Закусил вполовину никелированными зубами беломорину и подошел к окну. Невысокий, коренастый мужчина с основательной проседью в коротко стриженных русых волосах и многими морщинами на темноватом лице – Лыков Никодим Петрович. – Не вспомню, – улыбнулся он, прищурился от дыма светлосерые глаза.

– Да в управлении сельского хозяйства, – подсказал гость, – я вам тогда трактор новый регистрировал, колесник, МТЗ-80... номер выдал.

– А-аа, – не совсем уверенно закивал директор, и гость заключил, что не вспомнил.

– Только потом я оттуда в совхоз перешел, на отделение механиком... – Гость поводил мутноватыми от щекотки в носу глазами, помял переносицу, гася чих, и добавил, чему-то враз ожесточаясь, – драпаю вот... работы у вас пришел искать, вы тогда, помнится, преподавателем сватали, – снова помял переносицу, но все же чихнул три раза кряду и сконфузился.

Лыков вызвал заместителя по учебно-производственной работе, мужчину пухлотелого и рыжего.

– Неудачно вы подошли, – задумчиво полистал тот записную книжку, – ведь уже третий месяц идут занятия. Нет, ничего не наберем, пожалуй, даже на полставочки ничего не наскре-

сти. – На толстошеекое лицо набежала тень сожаления, глаза же остались равнодушными, сытые и сонные глаза. – Может, мастером на годок пойдете, а там видно будет?

– Нет-нет, только не мастером! Наслышан о прелестях этой профессии. – Гость часто поморгал, сморщился, потирая переносицу, зачем-то порылся в карманах и внимательно огляделся. – Ладно, пойду, на нет и суда нет, досвиданьчика, извиняйте за причиненное беспокойство.

– А звание, случайно, какое ни то воинское не имеешь? – поинтересовался уже в спину гостя директор.

– А как же, старший лейтенант запаса.

– Во, на ловца и зверь, понимаете, бежит. А наш военрук все себе замену сыскать не может. – Лыков умял в пепельницу окурочек и потянул из пачки другую папиросу. Зам подвинулся к открытой форточке и оповестил, что получает военрук больше двухсот рублей. Гость понял, что пора излагать биографию.

Истомин Виктор Васильевич, двадцать девять лет, инженер-механик, женат, детей нет. Рост чуть выше среднего, худощав, в движениях несколько порывист, сероглазое лицо запоминается немного вздернутым носом да неуместным вихором там, где у нормальных людей начинается пробор, запоминается еще всегдашними смешливыми чертиками в глазах, ехидными зачастую, несвоевременными чертенятами.

– Значит военруком, – потер шею Виктор, – а что, и рискну, все не мастером, при оружии, отстреливаться можно, если туго придется, – чихнул три раза кряду. – Во, правда!..

– Никак к нам на работу востришься? – окликнула в вестибюле бабуся. – Молоде-ец. Нака, выпей чайку на дорожку. И кто в такое время на мотоцикле ездит! Уторкаешь, не приведи бог, здоровье, потом ведь его ни за какие брильянты не купишь. Оно ведь, здоровье-то, пудами выходит, да только граммульками заходит. Иээх-хэ-хэ, осопател-то как...

– Душистый какой! – изумился Виктор на чай.

– Медок, шалфейчик, малинка, – ласково улыбнулась бабуся. – Эх, молодо-зелено, откуда вам еще знать про здоровье, коль не хварывали.

Около недели Истомин принимал материальные ценности и оружие. Предшественник настоятельно советовал в корне пресекать происки шалопаев громовым командирским голосом и шомполом, иначе, «сядут на шею всенепременнейше». Необычность же расположения городского училища вне города, за четырнадцать километров от него, объяснялась просто – выработались угольные копи, и помещения, что им принадлежали, заняло училище. Официально оно было строительным, но помаленьку обращалось в школу механизаторов, так диктовал набор, спрос.

А вот и первая линейка. Взгляды почти трехсот пар пытливых глаз остановились на новеньком военруке.

– Молодэнький, худэнький...

– Из шустреньких никак...

– Не на таких катались...

– Зевластый, похоже...

– Ничего, быстрее охрипнет...

И тут же, утратив интерес, к директору:

– Картошка на завтраке сыровата.

– Почему депоненты задерживают?

Наконец, масса качнулась, гомоня и топоча, ученики определились по классам, и начались занятия.

Ох, и нелегко давались Виктору первые педагогические шаги. В каком-то полубредовом состоянии он отвечал на бесчисленные вопросы, парировал колкости, делал безуспешные попытки заговорить на учебную тему.

Очередной звонок на урок. В коридоре никого. Сбегал вниз, сверился с расписанием – все верно, группа быть должна. Лишь спустя семь минут объявился малочисленный авангард, дышащий холодом и густым табачным духом. Еще минут пять тянулись остальные. Всего человек двадцать. Истомин выразительно постучал пальцем по циферблату своих часов.

– Так, ребята, дальше не пойдет.

– Да брось ты, – улыбнулся ему в лицо кудрявый крепыш с масляно-черными навывкат глазами. Стоял он, подбоченясь, приоткинув назад голову и отставив вперед ногу.

– Чего-о?! – вытянулся лицом Виктор и, стиснув кулаки, начал подавать вперед корпус.

– Да брось, тебе говорят, – передернул плечами кудрявый и полуобернулся к стоящему сзади парнишке. Тот изумленно захлопал ресницами. – Слов, что ли, не понимаешь?.. Шши-пает гад за попец, – пояснил он и вновь принял исходное положение, – а дышит-то, дышит как. Я предлагаю, товарищ военрук, гнать с уроков НВП разных там гомосеков.

– Фамилия? – сипло спросил Виктор, стараясь испепелить взглядом кудрявого.

– Чья, его?

– Твоя.

– Вот она справедливость, страдай физически от извращенца, да еще и выговоры за это получай...

– Фамилия!

– Головин Александр Леопольдович.

– Нюра, – подсказал оклеветанный паренек. Кудрявый, не оборачиваясь, ткнул локтем. И очень удачно, потому как мальчишка согнулся и зашлепал губами – вдоха никак не получилось.

– Выйти из строя! – гаркнул Истомин. – Вот так, – смерил он взглядом шагнувшего вперед Головина. Тот еще более выпученными глазами смотрел прямо перед собой, пальцами растопыренных ладоней держался за ягоды, подбородок задрал в потолок, грудь выгнул колесом, словом, строевую стойку опошлил дальше некуда. Неплохо разыграл и пародию на подбострастность перед большим начальником. – Вот так, – повторил Виктор и поморщился, отвернулся к остальным, прошелся вдоль строя. – Чтобы к следующему занятию все подстриглись, а то, действительно, так и до путаницы полов недалеко. Погладили брючки, попришивали на них все пуговицы, побрились... В общем, всем быть подтянутыми и опрятными, ведь вы призывники, через год в армию. – Р-рравняйсь! – снова как можно внушительнее подал он голос и свирепо вытарашился.

– А-аатставить! Голову направо! грудь четвертого... Р-рравняйсь!

– Да будет вам, – поморщился правофланговый детина, – нашли салажат.

– Покойный майор Майский, в основном, налегал с нами на стрельбу, автоматик там пару раз разобрать, один собрать, – поддержал Головин.

– Насколько мне известно младший лейтенант Майский здравствует.

– Маймай нас предал, теперь для нас он покойник.

– Разговорчики в строю! Несolidно так говорить о человеке, который годится вам в дедушки.

– Да он еще на первом курсе плешь прогрыз с этой строевой!

– Пошли в тир.

– Мы через месяц, вообще, уходим на последнюю практику.

– Ноженьки болять стоять так подолгу...

С трудом маскируя расстерянность, вымученно и многозначительно поулыбываясь, Виктор продолжил расхаживания перед строем. От бессилия хоть как-то перехватить инициативу мutilo голову.

– Договоримся так, – поднял он руку, требуя тишины, – не будет порядка, будем делать попытки его восстановить, даже ценой всего урока...

В этом месте его воспитательной речи Головин звучно, во всю пасть позевнул и пошел прочь.

– Я к Никотин Папиросычу подойду на переменке, – обернулся он на ходу, – сам, не ищите.

Да ведь это он о директоре так, сообразил Виктор и как можно доверительно обратился к оставшимся:

– Вы Саше-то ноне случаем мухоморов в рассольник не крошили?

– Может хватит все-таки в столбушки играть? – вновь угрюмо осведомился детина.

Метр девяносто с гаком, мысленно прикинул Виктор, вздохнул и сделал отмашку:

– Первая шеренга, справа по одному, захо-оди!

В дверях моментально образовалась давка, закряхтела, засопела, запричитала голосами слабых.

После уроков, а их было шесть, Истомина заперся в оружейке, ошеломленно тыкался в ее тесноте, пытаясь прийти в себя. «Мама, куда я попал, – бормотал он помешанно, – сроду так не уставал, аж коленки дребезжат, а башка-то как раскалывается. Так меня надолго не хватит. Ну и публика! Надо к ним как-то приспособливаться».

Немного успокоился и остановился перед мутным, затянутым решеткой и паутиной окном. Вяло поводя взглядом, стал разглядывать с высоты второго этажа окрестности. Ограничивая видимость, моросил дождик. До горизонта простирались поля, размеченные строчками лесопосадок. Чернота зяби, бледная зелень озимки, блеклая желтизна нераспаханных клочков. Убогая картинка, ссылка да и только. Сыскал местечко, стиснул он зубы, махнул шило на мыло.

– Ии-ии-ихха! Иии-ии-иихха!.. – донесся с улицы леденящий душу вопль. Мальчишеская орда, что пряталась до этого от дождя под навесом клуба, выплеснулась навстречу подходящему автобусу. Тот постанывал стареньким кузовом, в осанке же его сквозила усталость и обреченность.

Едва распахнулась передняя дверь, как сразу начался штурм. Часть прибывших пассажиров, менее расторопных, слабых, упрессовалась назад в салон. Старушки молили бога о поддержке, дети плакали, водитель, дирижируя монтировкой, напоминал ученикам о правилах посадки. Автобус скрипуче кряхтел, качался на враз ослабевших мышцах рессор.

Благоразумно стоя в отдалении, дежурный мастер фиксировал в блокноте фамилии наиболее активных. Занятие больше символическое, чем воспитательное, дела не меняющее. Наконец водитель заметил, что створки задней двери давно разодраны без пневматики. Открытие его огорчило настолько, что, не закончив посадки, рискуя подавить штурмовиков, он резко тронул машину, круто развернулся и отбыл досрочно, с некоторым недогрузом. Оставшиеся возопили обиженно, швырялись вслед комьями грязи. Их тоже можно было понять – мало удовольствия шлепать по такой погоде четыре километра до трассы, да там еще торчат неизвестно сколько в ожидании, пока кто-то сердобольный подберет до города.

– Тяжело, сынок, поперву, – понятливо покивала бабуся, когда Виктор выходил из училища. Не заметить его подавленность было бы трудно. Он усмехнулся, можно бы, мол, и похуже, да некуда. Еще тогда, в первый раз, он отметил ее сходство с клушкой, то ли ее основательной, по-домашнему уютной посадкой, то ли раскинутой длинной юбкой, смахивающей на опущенные крылья. Каково же было его удивление, когда он узнал, прозвище ее именно

«Клуша», «Клуня Хохлатовна», по-настоящему же – Лукерья Игнатовна. Она и вахтер, и гардеробщик-сторож, и звонарь. Сидеть, не вставая, она могла днями напролет, что-то с ногами приключилось по старости. Только и добиралась от комнатухи в общежитии, где проживала, до стула в вестибюле, да и то со многими привалами.

– Ничего, – заключила она и улыбнулась одобряюще, – стерпится-слюбится, помянешь мои слова, за благое дело берешься, душевное, богом привлечен будешь.

Виктор удрученно крутил головой на ее слова, ой, не знаю, мол, ой, не знаю. И подумал еще, не сорваться как бы в горячке, а то ведь так и зудится кое-какому наглецу, типа Головина, в рожу захватить. И такое опасение было небеспочвенным, оказалось вещим.

Тот день ему вообще показался тогда бесконечным. После четвертого урока, помнится, даже мелькнула предательская мысль, соврать, сказаться больным и отпроситься. Измочалился дальше некуда, ничего не мог поделывать со второкурсниками, не давал спуска, не уступал им, а они ему, так и оборачивался каждый урок нервотрепкой.

На пятый урок пришли первогодки-трактористы. Большая группа, еще не разбалованная, полным составом – тридцать три человека. Минут пять только рассаживались.

– Потихе, ребята, потихе! – то и дело покрикивал Виктор. – Мне же трудно рассказывать.

Но окрики помогли мало, и он стал прохаживаться по кабинету, многозначительно пощелкивая о ладонь шомполом, он же указка, вытащенным из учебного карабина.

Многие мальчишки успокоились, умолкли, взялись за ручки. Но далеко не все. И ведь тема-то интересная – «Современный бой», он столько фактического материала собрал, а вот поди ж ты вниманием ни в какую не овладеть. И что им, болванам, только интересно? Сидели они, конечно, значительно спокойнее предшественников, но у Виктора почему-то все больше и больше вскипало раздражение, от замечания к замечанию больше. Успокоит один очажок шума и возни, вспыхнет другой и так по замкнутому кругу, до бесконечности, пытка, а не урок.

Все! как-то отстраненно подумал он, сейчас что-то случится, терпение вот-вот лопнет, сорвусь. Начал что-то говорить о достоинствах противотанковых управляемых снарядов, а сам уже зафиксировал парочку, что устроила перестрелку жеваной бумагой из трубочек.

– На перемене возьмешь веник, и чтобы ни одной бумажки в кабинете не было, – положил он руку на плечо пареньку со смешливыми кошачьими глазами. – С помощью друга, разумеется, тоже дуэлянта, во-он того кудрявого блондинчика.

– Здра-асте, а дежурные на что? – весьма искренне удивился стрелок.

– Как твоя фамилия, отрок? – совсем тихо и совсем ласково спросил Виктор и заиграл желваками.

– Ну, Минаев.

– Так ты слышал, Нуминаев, что я сказал? – шомпол стал чаще чем раньше постукивать о ладонь. – Дай-ка сюда трубку.

– Какую еще трубку? это же ручка, писать-то мне чем?

– Так ты понял насчет уборки?

– Мы что, одни плевали?

– Так ты понял или нет?!

– Да понял, понял, будет сделано... разбег и падение.

Едва же Истомин повернулся к нему спиной, как раздался общий смех. Резко обернулся, Минаев сидел потупясь, совсем фальшиво изображая равнодушие ко всем окружающим. Виктор снова отвернулся, снова смех. Прошел в конец кабинета. Тишина. Но не та тишина, что объясняется повышенным вниманием к уроку и которой он так безуспешно добивается, а тишина настороженная и напряженная. По лицам учеников это легко читалось, все они еле сдерживали улыбки.

Вот уж чего все они всегда ждали с искренним интересом так это развлечения, хохмочки, розыгрыша. И вот сейчас он, военрук, усилиями этого сопатого, им чем-то смешон, главный герой спектакля, всегда желанного и всегда с гарантированным успехом. Минаев как-то удачно сумел подать его так, что не осталось ни единого равнодушного.

Все, с какой-то даже веселой обреченностью отметил Виктор собственное состояние, завелся, начинаю идти вразнос, убежать бы надо, отступить, сорвусь ведь. В глазах потемнело, угарная волна бешенства вступила в голову, распространяясь откуда-то с области солнечного сплетения. И он не убежал, не отступил, принял навязанную дешевенькую игру.

Внешне спокойно и расслабленно, а внутри все поджалось во взрывной точечный сгусток, с рассеянным, казалось бы, даже сонным взглядом, а боковое зрение фиксировало все, даже полет одинокой, оклемавшейся в тепле мухи, он тихо шел вдоль столов. Стекла стендов на стене против окон отображали кабинет, силуэты мальчишек, их головы и плечи. Виктор поровнялся с Минаевым, шаг, еще шаг, еще, сам же, не поворачивая головы, доотказа скосил глаза на стекла. Еще шаг. Вот оно! Минаев привстал и отмерил ему вслед полруки. Дружный смех. Виктор медленно, очень медленно повернулся и криво улыбнулся. В глазах потемнело настолько, что все окружающее померкло, ступевались все детали, выделилось только светлое пятно ухмыляющегося лица.

– Надо понимать, дружок... ну-у, этим жестом ты выразил восхищение моему заданию? А ну-ка пшел отсюда, шенок засранный!

– Мне и здесь тепло... – начал было тот, но рывок за шиворот сдернул его на пол. – Ты чего-о?! – вскочил он, но тут же был повернут и получил серию из сильных тычков в спину, шею и залипающего щелчка шомполом по заднице. Прогнувшись в поясице от этого ожога, он пошел в отрыв, так как военрук сближался и явно намеревался серию повторить.

Перед самыми дверями он все же был достигнут, снова получил толчок, настолько от души, что дверь отворил в полете. Доотказа распахнувшись, она ударила по стене, отчего упал и разбился стенд «Ордена и медали СССР», висевший рядом. На шум из других кабинетов выглянули преподаватели, поулыбались сочувственно и понимающе.

Виктор же не знал, куда приткнуть ходуном ходившие руки, лицо пылало, губы плясали так, что не мог внятно выговорить и слова. Оставив мысль рассказать еще что-нибудь о современном бое, он сел заполнить журнал. Бесполезно, писать тоже не мог.

Класс притих, каждый из учеников украдкой настороженно поглядывал на него и он, чувствуя это внимание, терялся еще больше. Псих! шизик! придурок! мысленно костерил он себя, старался сосредоточиться именно на этом самоунижении, изощрялся в ругательствах. Да пусть они хоть на головах ходят, тебе-то что за переживания! Поморщился, так как в голову, в левую сторону черепа вошла тупая игла боли.

В дверь постучали и втерся Минаев, объяснил, что, мол, в коридоре одному непереносимо скучно. Разбитое стекло, разумеется, убирать не собирался – он-то здесь при чем. Класс снова оживился, повеселел.

– Уйди, – процедил Виктор, – уйди от греха.

Настроение у Минаева, судя по всему, после насилия ничуть не ухудшилось, кошачьи глаза лучились смешливым превосходством. Просьбу военрука пропустил меж ушей, не вышел.

Виктор вскочил и едва не бегом направился к нему. Ученик проявил завидную выдержку, выскочил не сразу, подождал, пока не осталось метра три, и захлопнул дверь перед самым его носом, даже немного подержал ее, убежав лишь тогда, когда не достало силенок удерживать.

Минут через пять раздался вежливый стук в дверь. Виктор похолодел – директор, выдаст сейчас витаминов за сорванный урок. Открыл дверь – никого. Спустя минуты три снова стук, и опять никого, даже шагов в коридоре не было слышно. После третьего стука, недоуменно ози-

рая коридор, он неожиданно все понял. Метрах в десяти от двери из стены выступала колонна. Сдерживая дыхание, на цыпочках, подкрался и резко скакнул вперед.

Так оно и есть, предельно вжавшись в стену, держа в руках снятые туфли, за колонной стоял Минаев и счастливо улыбался. Но какая святая наивность повторять одну и ту же шутку трижды! Улыбка еще не успела спорхнуть с его губ, как градом посыпались удары. Надо отдать парнишке должное – он даже не пикнул, а может онемел от испуга на перекошенное лицо военрука с бешеными глазами. Он даже не оборонялся поначалу, покорно принимая удары и удары довольно чувствительные.

Но наконец сработал инстинкт самосохранения, и, отбросив туфли, он выскочил из опасной зоны. А военрук уже совершенно утратил контроль над собой, метнулся следом, колотил спину, поддал в зад коленом так, что парень лишь чудом устоял на ступеньках лестницы... Опомнился лишь тогда, когда почувствовал, что кисти стиснуты чьей-то мертвой хваткой. Не сразу разглядел, узнал Таранова, смуглолицего крепыша-правофлангового.

– Ничего!..Ничего!.. – Виктор высвободился и прохрипел Минаеву вслед. – Щщенок... козел! игратья он вздумал!.. – Обернулся и ужаснулся, вся группа в коридоре. Моментально набрякли нестерпимым жаром уши, захотелось сгинуть, спрятаться, провалиться сквозь землю и больше никогда-никогда в этих местах не появляться. Кое-как дождался спасительного звонка и сразу убежал в тир, благо шестого урока не было.

В тире Истомин помаленьку успокоился. Помогли тишина и уединение да холод, тир не отапливался, стены в один шлакоблок, даже щели толком не промазаны. Присел на корточки перед «Восходом», который, пользуясь случаем, определил сюда, хватит ему по чужим дворам обитать. Мустанг ты мой мустанг, погладил он сиденье, дружок верный. Знал бы ты, какую фирму я сыскал, не приведи боже, припадочным в два счета стать можно. Не-ет, так дальше не пойдет, не ту я песенку затянул, не свою. К чему эта борьба, даже война за идеальный порядок, настрополил меня Майский на мою же шею. Тактика у всех должна быть своя.

Он достал отвертку и стал очищать мотоцикл от давней засохшей грязи. Улыбнулся, глянув на подножку, выгнутую вверх, вполовину ободранную от резины. След одного из первых падений, тогда еще в управлении сельского хозяйства работал, инспектором технадзора. Подрабатывал разъездным фотографом, едучи на одну из свадеб и упал, попал на повороте под колесо кусочек жирной полевой грязи. Едва-едва не угодил тогда под колеса встречного автобуса, в полуметре друг от друга остановились, вставал так, опираясь на его бампер. Виктор поежился, припоминая детали.

Смятое же колено выхлопной трубы напомнило о другом падении, тогда он уже механиком в совхозе работал, комбайны сопровождал в ночной переброске с поля на поле, ну и не заметил пенек. Полет шмеля, усмехнулся он, метров десять летел-кувыркался. А этот штырек отломленного фонарика поворотов памятка последнего кувырка – резко тормознул перед рытвиной и колодки заклинило, мотоцикл повело юзом, развернуло и ударило о придорожный столбик, сам он скатился кубарем по насыпи. Когда очнулся, обнаружил на голове расколотый шлем и, самое смешное, на брюках не достало одной штанины, видно, какой-то штырек, проходя у тела, удачно зацепился.

Да, шрамов на теле «мустанга» было предостаточно. Виктор снова обласкал его взглядом – работяжка ты мой родненький, за сезон, с той же фотосуекой, они с ним до пятнадцати тысяч километров накручивали. Честно говоря, от таких неумеренных гонок вскоре пришли оскомины, пресыщение такими прелестями как: частые переохлаждения, всегда грязная одежда, да и не все кувырки оказывались столь удачными, к примеру, до сих пор частенько давало о себе знать примятое колено. Ну а насморк, так этот не отпускал тогда ни на денек.

Провозясь с мотоциклом около часа, Виктор окончательно успокоился. Не покидали только стыд и острое чувство досады на себя столь несдержанного, заведшегося, по сути, из-

за пустяка. Корень срыва, решил он, в изначально ложной тактике. Еще не зная ребят, он уже настроился по отношению к ним чуть ли не враждебно, недоверчиво. Глупость, самая настоящая глупость! С мужиками в совхозе запросто ладил, а здесь, с мальчишками, буксанул. Ну нет, папаша Майский, оставь-ка эту агрессивную тактику себе, а я лучше останусь самим собой, да ведь «мустанг»? Ну зачем мне рядиться в чужие одежды. Пойду, повинюсь, да, мол, заскок произошел на почве переутомления, неужели начинающему такое непростительно?..

Но никто никуда его не вызвал. Событие, что глянулось ему вселенским, почему-то минуло внимание руководства, видно, других забот, посерьезнее, хватает. Да что руководство, те же преподаватели, которые тогда выглядывали, не придали этому случаю никакого значения, не поинтересовались, кого он так, за что? Ну вытолкал какого-то разгильдяя и вытолкал, из рядовых, видно, событие, пустяшное.

Только когда он подждал автобус в вестибюле, Клуша вздохнула несколько раз, тщательно просматривая узоры шали на свет, и сказала, вроде как размышляя, для себя, ни к кому не обращаясь:

– У него, у Паньки-то, отец очень характерный, пьет в большой серьезности сердешный без роздыху... Только и поозорничать здесь мальчонке, отдохнуть от такой напасти родительской.

– У Минаева, что ли? – покосился Виктор.

– Ну да, у него... Скандальный папашка, злой. Сродственница ихняя здесь на Дубках живет, так сказывает, измыватель, мол, драчун каких мало...

Виктор помрачнел и который раз в этот день ощутил, как набрякают жаром уши и щеки.

А на следующий день, открыв дверь оружейки, увидел под ногами листок, на котором было выклеено буквами из газет: «Круто гребешь, военрук. Смотри, как бы хин не треснул». И внизу, вместо подписи грибочки, не то сморчки, не то опята. Виктор поежился и поймал себя на мысли, что несколько струхнул. Но тут же зло махнул рукой, и заслужил, пес цепной, жандарм чванливый, так и надо, пусть приловят пацанчики да поддадут как следует. Заслужил придурок!

А беспокойство в душе угнездилось, добились своего авторы, мыслишка исподволь да неустанно давай подтачивать, что за грибочки? кто из пацанов может за этим скрываться? Задача, словом, получилась под грибным соусом.

Глава 2

– Казнь спиртного на линейке – Оживление «казненного» во smak наставникам – Наставник Хрюкин учит уму-разуму – Явление Смычка – Шок «расстрела» – «Пеницилин» гроза задниц – Доклад Шпика —

Утренняя линейка. Директор расхаживал перед четырехшереножным строем, сцепив за спиной пальцы, низко опустив голову, словно что-то сосредоточенно высматривал под ногами. Заканчивалась сверка. Гудит и колыхается разномастная поляна голов. Но вот и зычный рык военрука: «Становись!.. Равняйся! А-атставить! Р-рравняйся!.. А-а-атставить!..» – С попытки четвертой устанавливается относительная тишина и порядок, что позволяет сдать рапорт и слаженно поприветствовать директора. А вот и желанное «вольно».

– Итак... – кто-то вполголоса подсказал неизменное директорское начало. К голове суфлера потянулся мастер, бормоча укоризненно нравоучения.

– Итак, – директор медленно осмотрел строй. – Сынок, выйди, поговори, я мешать не стану, – обратился он наугад к какому-то ученику из наиболее беспокойного места строя.

– Да то не я, – занервничал мальчишка.

– Итак. Итак, в нашем училище снова чэпэ – пьянка. Виновников па-апрашу на обозрение... Анна Михаловна, – скрутил он еле заметно корпус, не отворачиваясь от строя. Из-за колонны безинерционно возникла Лепетова, зам по учебно-воспитательной работе, в руке новенькое оцинкованное ведро, из которого торчали горлышки бутылок с вином «Дары осени», да больших бутылок, семьсотграммовой емкости.

– Чего это, а? Чего там?.. – затыкали в бока друг другу ученики, вытягивая шеи, сонливость, так характерную для усвоения завтрака, с них заметно обдуло.

– Ита-ак! – окрепший голос директора воспарил над многоголосьем толпы. – Итак, мы пригласили сюда и родителей этих, с позволения сказать, детишек... Па-апрашу вас, товарищи мамы-папы, сюда, на середку... – Никодим Петрович сорвал с носа очки и принялся ими дирижировать для усиления убойности обличительной речи. – Итак, как вы думаете, приятно этой, э-ээ, маме чувствовать себя и свою чаду на всеобщем осуждении товарищами и педколлективом?..

Чувство осуждения производительно рожало у родителей ответные чувства. Вот один из пап, явный потомственный кузнец, продемонстрировал своему шкодливому отпрыску кулак, каким в своей работе мог явно заменять кувалду, мама другого скорбно окунала платочек в залитые всклень глаза, родительница третьего, напротив, эмоций не обнаружила, но, косясь на педсостав, охорашивалась. Другого папу от кровинушки еле отодрали – надумал удушить на месте.

– Итак, мы сейчас во всей силе публичности, показательно уничтожим эту гадость, – объявил директор, – и сделаем это руками этих, с позволения сказать, деток. Па-апрашу на обозрение!.. – Лыков в стиле циркового конферанса широко повел рукой и шагнул в сторону.

Небогато было раскаяния на лицах провинившихся, все они перемаргивались с друзьями, еле сдерживали смешки – такое положение, слава, им скорее льстило, чем угнетало.

– Колоть будете? – со слезами в голосе спрашивали из строя.

– Лучше нам отдайте...

– Ой, Петенька! – совсем дурашливо взвизгнул кто-то. – Дай-ка закрою я тапочком твои неопохмеленные глазыньки, тебе такого не выдержать!

– Соплячье, захвататься не могли как следует...

Между тем одному из четверки уже вручили молоток, и он, как велено, хрупнул над ведром первую бутылку.

– А-ааа!.. – пронесся многоглоточный единый стон над рядами. Все, как один, заводили носами и закатали глаза. – А-аа! – уже потише, сладострастно. – А-ааа!.. – снова стон на стеклобой. – У-умм...

– Фарс, – морщился Истомин, – цирк, абсолютно бесполезное дело.

– Итак! Я тут, вроде как, слышу, с позволения сказать, дерзостные смешки, но им, – Лыков ткнул очками в сторону ребят, – им было не до смеху, когда я выложил ихние документы и предложил гулять на все четыре стороны. Надо было видеть, какими слезами они умывались только что у меня в кабинете, умоляя... Но товарищ, товарищ, так нельзя, прилюдно... – Снова оттаскивали несдержанного отца, под шумок подкравшегося к горлу сынишки. (Позже оказалось, что это был театральная прием давно пьющего на пару семейного тандема для безотказного втирания очков дирекции).

– Итак, только ихние бурные слезы умоления заставили меня пересмотреть свою жестокую категоричность и оставить их в стенах училища с испытательным сроком...

– Враки, так вы и отдали документы, два года прошу не допрошусь.

– Это кто у нас здесь такой говорливый, аки счетверенная швейная машинка? – угрожающе ссутулился директор.

– Да я тут у вас.

– Головин, кому еще быть, – ответствовал мастер блекло.

– После линейки в мой кабинет! он мне надоел! я ему выдам диплом спеца по ловле блох у собак. Ситуация в корне меняется, нам вручили наконец-то кнут к мешку пряников, мы начнем закручивать гайки, будем карать со всей немислимой жестокостью наглецов и пьяниц...

– Да прошлогод ведь еще давали...

– Да заткнешься ты или нет наконец! – взвизгнул мастер.

– Три по семьсот – два с лишним литра тяжело вздохнул у плеча Виктора мастер Сургучев Родион Касьяныч. – Добро-то какое изводят почем зря...

– О курении! – воздел очки директор. – Курцов, застигнутых на месте преступления, я буду заставлять набирать ведро окурков по всей территории поселка, часть из них он будет жевать, здесь же на линейке, остальное похоронит в яме емкостью два куба, им же вырытой...

Выходили пять первокурсников и торжественно рвали в ведро с «Дарами осени» нераспечатанные пачки «Примы». Сургучев шопотом матюкался. Затем Анна Михаловна, частя и сбиваясь, зачитала приказ облуправления о поощрении геройского поступка ученика другого училища, спасшего тонущего ребенка. Ребяшня запозевала, запереминалась, зароптала потихоньку на затянувшуюся линейку. И впрямь, глянул Виктор на часы, уже прихвачено десять минут учебного времени. Подошел к группке преподавателей, стоящих в отдалении.

– Ну какое моральное удовлетворение может быть от такого усеченного урока, – фальшиво сетовал чертежник Федор Моисеевич, – расстройство на весь день – любимые личики меньше чем положено, видеть буду...

– Приходи ко мне, посиди, когда «окошко» будет, для компенсации, – посоветовал электротехник, – я с Лыковым договарюсь.

– Обязательно, непременно, да еще после работы на пару часиков останусь, с троечниками позанимаюсь.

– Разогнался он на халяву-то, не обломится, маэстро циркуля и транспортира, у них у всех нынче вечерка...

– Не-ет, но какой все-таки тончайший педагогический ход, – презрительно усмехалась историчка Шорина, смотрелась она мрачным, нахохленным коршуном, так далеко подалась вперед на костыли, она – калека, из двух ног после автокатастрофы сохранила от силы три четверти одной. – Какой резкий поворот к трезвости, повальному отказу от курева. Бедный наш магазинчик и его талантливая глава Бутыль Сельповна, ведь они и не подозревают о неизбежной затоваренности склада неходовой продукцией. – Красивое лицо ее морщилося, не понять, то ли от боли, то ли от брезгливости к минувшему мероприятию, скорее, от боли, разнообразных болячек у нее было предостаточно.

– Не скажи, Васильевна, – возразила Клуша, недослышавшая и наблюдавшая за выражением лица говорящей, – отворотить от зелья людей не так-то просто, – она потянула нить с клубка, упрятанного в сумку, и продолжила спорое вязание. – Пить обучают годами, сызмала, да, почитай, все вокруг, а отучить ловчатся за день да в одиночку...

– Итак, все вопросы вычерпаны, – директор сурово оглядел строй. – А теперь по занятиям...

Учащиеся загомнили, затолкались и затопали так, что немногие служащие у себя в кабинетах вздрогнули и попридержали кое-какие предметы, самостоятельно двинувшиеся на края столов.

– Давайте-ка, Анна Михаловна, помогу вам, – перехватил из ее рук ведро Сургучев, – выплесну на помойку это дерьмо зловредное для ребяток наших.

– Вот спасибо, – закивала та благодарно, – экий рыцарь, и уж заодно, Родион Касьяныч, занесите, пожалуйста, ведерочко завхозу.

– Лады. Нет, но чего творят сволочи, – удрученно заглядывал в ведро Сургучев, – чего творят, а, Михаловна? Ладно еще ни одного моего, враз бы башку отвернул, ну не паразиты ли!..

– Ух, и мерзость! – проходящий мимо электротехник неожиданно наклонился и высморкался в ведро, сплюнул.

– Ты чего-о?! – опешил Сургучев. – Ты чего, ку-курва делаешь? – он даже начал было замахиваться, но опомнился и закивал, мерзость, мол, мерзость.

– У тебя чего, Витя, урока нет? – взял Истомина под руку физрук. – Тогда пошли ко мне, перекурим, тачки смажем...

Физрук, Соссий Мефодьевич Хрюкин, худоног, но плечист, на лицо крайне худ, глубоко посаженные маленькие глазки лишены всегдашнего характеризующего блеска, что мешает собеседнику определить общее выражение лица сообразно его словам. С такими глазами удобно хитрить. Хрюкин стесняется улыбаться, в моменты, когда это делать все же необходимо, он приказывает соответствующим мышцам противоборствовать растягиванию рта к ушам, как банально делается всеми, отчего и без того острое личико его еще более заостряется и даже уменьшается.

– Вот посуди сам, Витя, – жмурился он от сигареты, ловко снуга руками над очередной сетью, – посуди, что имею я, человек с высшим образованием. Сто сорок оклад, рублей сорок за педнагрузку и обязанность безвылазно торчать весь день в этих стенах. А ведь у меня двое детей, жена с большими потребностями, у которой окладик, кстати, чуть больше сотни. Такой вот доход, едва хватает на жратву, квартплату и кое-какие тряпки, чтобы не совсем светить задом, – он отклеил от губ сигарету и стряхнул пепел в консервную банку. В кабинете пахло грибной сыростью стен, кислыми ногами и заплеванными окурками. Виктор потерял виски, от столь давнего спертого духа никотина у него, некурящего, появилась боль в голове, но зарешеченное окно форточки не имело.

– Мне, Витя, стыдно так жить перед отцом, мужиком, не имеющим за плечами даже примитивной восьмилетки. Он – помощник машиниста маневрового тепловоза, при заводе

работает, три с лишним сотни имеет всегда, сутки пашет, трое дома. У него большое хозяйство, он к тому же скорняк и сапожник, шапки, полушубки, унты только отскакивают.

– А где он шкуры-то достает? – спросил Виктор.

– Вертится папаша, – Соссий снисходительно поострел лицом, что означило улыбку, вмял окурки в банку и сронил туда длинную слюну. – Собак, кошек пользует, а больше по деревушкам ездит, машина у него давно имеется, скупает шкуры сырые, почти задарма отдают люди. У него на книжке, Витя, тысяч тридцать. Ну а как мне жить прикажете? У меня нет таких возможностей, а жить охота не хуже других, то есть тоже необходимо вертеться. Я вот встал в очередь на «жигуленка», года через два должны дать. К тому времени у меня как раз страховка на тыщу кончится, тыщи две к тому времени насобираю, мотоцикл загоню за тыщонку и у папашы займы просить буду, с отдачей через года два-три, обещал ссудить старикан. А что такое три года, а Витя? За это время с половинку может забудется, сын как-никак, а может, дай ему бог здоровья, и загнется папанька, по-всякому может выйти.

– Прибедняешься, – сказал Истомина, – за-адам светить, – поддразнил он давешние слова Соссия, – а сам, собак, пару тыщ уже успел нахватать.

– Надо уметь делать деньги, Витя, – поострел лицом Хрюкин и закурил новую сигарету. – Разорались чего-то хлопчики, – прислушался он и стремительно вышел. – Так что я говорю, – продолжил он вязание уже через минуту, – делать их, денежки, сноровка требуется и чутье, денежки они, Витя, кругом, только присмотреться надобно. Я вот шестой «телевизор» за этот месяц пластаю, – Соссий с заметным даже на его лице удовлетворением просмотрел на свет ячейки будущей рамки, – спрос у бурсаков ого-го! каждый не меньше червонца идет. Вот сейчас, заметь, бросил пузырь пацанам, а сам, между делом, гоню продукцию. Кто мне эти шестьдесят рубликов даст, если я брошу вязать, тут делов-то, кстати, дня на три...

– Соссий Мефодьевич, – просунулась в щель приоткрытой двери голова мальчишки, – можно, я того... на воздух прошвырнуть?

– Такса, – не поднимая головы буркнул физрук, – и завейся хоть в космос, только я тебя, стервеца, сегодня вообще не видел.

– У меня двадцарик, сдача есть?

– Найдем, – Хрюкин отложил сетку, аккуратно уместил сигарету на край стола и полез в нижний ящик стоящего рядом шкафа, – найдем такие суммы, – придушенно говорил он при этом от неудобной позы. Парнишка, настороженно косясь на военрука, подошел, положил монету на стол и торопливо дважды затянулся хрюкинской сигаретой.

– Ты чего?! – опешил Виктор. – Ты чего наглеешь, скотиньяка?

– А-аа, пускай, – беспечно махнул рукой вынырнувший физрук, – рыбак, друг. На, держи свой пятак и проваливай. – Ученик ушел. – Во, – повертел в пальцах монету Соссий, – пачка «Примы» с коробком спичек есть.

– Так что, за уход с урока ты берешь пятнадцать копеек? – не тая брезгливости, удивился Виктор.

– Ага, – Соссий снова погрузился в работу, – по пятнадцать, в день до трояка настукиваю, можно бы и больше, да я не борзею. У них, у хлопчиков-то денег много. Вчера двое с бутылочкой подошли за все мое хорошее, на пятом уроке. Как водится у нашего брата, мало показалось – побежали еще. Опять мало. К автобусу совсем захорошело, хотели еще, но сельпу прикрыли.

– И ты с ними сбрасывался?!

– Чего я, дурной лошади свояк? ни копыя!

– Ну, ты и даешь! Смотри, подзалетишь ведь, Соссий. Кстати, что это у тебя за имячко, все хочу спросить, сроду до этого не слыхивал?

– Да матушкина сестра подсказала, дура, самая грамотная в те времена у нас в родне считалась – учительница, вот и научила, послушались, сказала, что означает «здоровый», а какая мать не хочет видеть своего ребенка здоровым.

– Н-да, – досталось же дочкам отчество, прямо оскорбление какое-то – «сосиевны», «соски».

– Не говори, – согласился Хрюкин, но по его беспечному виду никак не заключишь о каком-то всвязи с этим переживании. – Где сейчас, Витя, можно не подзалететь, да везде бойся, – вернулся он к прежнему разговору.

– Сижу вот, вяжу и побаиваюсь, а ну директор выломится или кто со стороны. Своих-то я больше никого не боюсь, с Лебедевым мы регулярно бухаем, Анка, вообще, не в счет, остальные же мне до лампочки, так что все пока тихо-мирно.

– Вот у тебя, Витя, как на семейном фронте, все нормально?.. Ну и дай бог. А у меня, как на фронте, противостояние, крыса моя не варит мне вообще и, больше того, спать поврозь стали, не подпускает, бойкот.

– Может, другого завела?

– Вряд ли, с её-то мордой овечьей. В другом причина, по ее наущению, старшая дочка, второклассница, ведет специальный дневник, где по датам расписано мое состояние. Предположим – двадцатое, папка пришел сильно выпивши, тогда-то – немножечко, а тогда дяди под руки привели, ну и все в таком роде. В прошлом месяце кажет супруга мне эту статистику, получается, что из тридцати дней совершенно трезвый я был три дня. Они, крысы, оказывается, к опьянению причисляют даже то, что я пива пару бокальчиков пропущу, запах есть и все – пьяный, строже чем в ГАИ.

– Интересно, – ухмыльнулся Истомин, – три дня, не густо, самому-то не надоедает?

– Да нет, чего тут такого, дело житейское, я же зарплату всю приношу, до копейки отчитываюсь. Мне выпивка, Витя, деньги делать не мешает. Этот раз получил со склада тридцать пар кед, десять пар кроссовок, мячи, боксерские перчатки и все отволоч в магазин – на полторы сотни потянуло, ну кто бы их мне дал, если бы я не крутнулся вовремя...

– Как в магазин? – не понял Виктор. – Кто их там примет, их же пацанам дали носить?

– О-оо! Вихто-ор! да я вижу, ты в этих делах свежее хека из холодильника, – восхитился Хрюкин и разъяснил снисходительно, – в магазине есть люди, входящие в долю, а бурсаки, те и в старье перебьются, им и того много. Обувь только в магазине новая, раз пробежались по грязи, стала старая. Ну а по количеству у меня всегда ажур, старья, Витя, я напас по горло, ни одна ревизия никогда не пришкрябается...

Зачем он мне все это рассказывает, спрашивал себя мысленно который раз Виктор, проверяет, что ли, могу ли заложить или чуток тронутый.

– ...Или вот на зону недавно футболистов возил – тоже денежки, Витя. Соревнования четыре дня, турнир по олимпийской системе, мы, соответственно, вылетаем в первый же день. Хлопчики так те только ведь и думают, как бы лыжи домой поскорее наострить. Я их и отпустил, при условии, что про суточные они забудут, что нужно, мол, для магарыча судьям, чтобы вылет на последний, четвертый день оформили. Хлопчики аж заблеяли от радости, нужны им эти суточные. Мне же бумажки оформить нужным числом, раз плюнуть, друзей хватает. А хлопчиков, Витя, четырнадцать рыл, на каждого рубль тридцать пять в день, умножаем на четыре, получается пять с лишним, умножаем на четырнадцать – больше семидесяти рубликов, минус рублей двадцать, что я отдал им за за день, а-аа, чуешь, чистыми тянет за пятьдесят. Да еще, Витя, есть навар с проезда, в Красногоровку билет в одну сторону двадцать копеек, взад-вперед за четыре дня набегает больше двадцати рубликов, а они, хлопчики, народ боевой, они и в первый день-то почти все бесплатно проехали, по проездным, хоть и не их маршрут там у большинства прописан, да еще билетов мне насобирали кучу для отчета.

– Вот так и кручусь, Витя, и на выпивку хватает, и на машину прикладываю постоянно. Кто бы мне дал эти рублики, если бы я носа по ветру не держал, ты бы дал? Нет. И я тебе так просто не дал бы никогда, займы, под хороший процент, это всегда пожалуйста... А рыбешка как идет, Витя, у дверей гаража ждут постоянные клиенты, с руками обрывают, по два с полтиной идет кило...

Виктор, уже совсем не таясь, болезненно морщился на все эти арифметические выкладки, дым и примеривался, как бы поестественнее расстаться со словоохотливым физруком.

– Учись жить, Витя, ты я вижу еще зеленый-презеленый в этих делах, учись. Вот скоро группу, человек тридцать тоже на зону повезешь, на два дня, можешь навар иметь очень дажиньки неплохой. Я тебе обскажу, как все обтяпать...

– А жена не признает, тоже не проблема, – он хищно с выщелками потянулся, – я, Витя, не выходя из этих стен, подкормлюсь, этого добра везде хватает. Ты Люду Сапугличеву не знал? С пятнадцатой группы... а-аа, ты ее не застал, – он снова потянулся и сладострастно прижмурился. – Пришла лярва ко мне с обходным, до этого пропадала куда-то месяца на два, подмахни, говорит, Мефодьич, не глядя, бумажку тленную-зряшную, покидаю я вас, мол, навсегда.

– Сей момент, радость моя, ответственую, для тебя хоть на амбразуру грудью, вот только на секундочку в тетрадку долговую гляну. Хоп, должок: штаны-трико, майка, кеды, два волана и теннисный шарик. Где вешши, спрашиваю, ненагляда? Она тук-мык, в отупение вроде как впала, памятью, мол, послабла. Все ясно – нет вешшей и не предвидится, все они, давнехонько у меня на складе, скорее всего. Они ведь, детишки-то, такая безалаберная публика, взяли и тут же все побросали где ни попадя, ну а я хожу собираю. Потом, бац, счетик или через контору плати или мне наличкой, раза в два меньше. Вот и говорю я тогда синьорине Сапугличевой, гони, голуба, четвертак, скостил, мол, еще в три раза по причине твоих чар. У нее шары из орбит полезли, да откуда у этой оторвы такие деньги. Распластали мы с ней в три слоя маты...

Тут зашел Сургучев. В руке сетка, в сетке трехлитровка, обернутая в газету. Развалился на стуле по-свойски. Если у Соссия заостренность черт подвижного личика напоминало что-то лисье, то у Сургучева, отвисающие толстые щеки, маленькие блестящие глазки и очень ограниченная подвижность лицевых мускулов, тут сходство напрашивалось с барсуком или даже с упитанным, сытым и полусонным хряком. Во-во, заключил Виктор, хряк, словом, глуповатое лицо, самодовольное, замерзшее одной невыразительной маской.

– Ну как, порядок? – подмигнул Соссий.

– У меня по другому не бывает, – отпыхивался Родион, отирая взмокший лоб.

– Просвещаю вот новичка, учу уму-разуму. Да свой человек, не стесняйся.

Сургучев освободил от газеты и поставил в шкаф банку, два с лишним литра отфильтрованных от стекла и табака «Даров осени».

– Стаканчик вотрешь, Витя, для поднятия тонуса? – Соссий дунул в мензурку, посмотрел на свет и заключил, что замутненность стенок терпимая. – Граммук сто восемьдесят пять накапайте офицеру, Родион Касьяныч, пожалуйста, – передал он посуду.

– Нет-нет, у меня же сейчас урок! – напугался Виктор.

– У всех урок, – резонно заметил Сургучев и выпил, не дрогнув ни единой жилочкой.

– У всех... – покивал Соссий, сдавленно кхекая и морщась. Закусили по-братски разломленным плавленым сырком, закурили. Физрук продолжил вязание рамки.

– Учить тебя еще да учить, Витя, – вздохнул он, – впитывай опыт, пока задарма предлагают, да, Родион? Другой бы рад даже был заплатить, купить такую ценную информацию для облегчения жизни, да никто не советует, не диктует драгоценную подсказку.

– Пузырь с аванса пусть ставит, – велел Родион.

– Вот у него ведь тоже группа в мастерских, на производственном обучении, – Соссий ласково поострел личиком при взгляде на Родиона. – Думаешь, Витя, шум-тарарам раз без надзору? Как бы не так – тишина могильная, порядок, как на подводной лодке в нейтральных водах.

– Вот они у меня где, – поднял для обозрения кулачище Сургучев.

– У него там два таких барбоса в помощниках, не приведи боже, по шнурочку ходят хлопчики, в ладошку кашляют потаенно, иначе нельзя, иначе враз уши поотлетают – Понча со Шлячком дело знают туго. Суворовская дисциплина! пропусков меньше всех! неуспевающих тоже!..

Сургучев гордо кивал и приосанивался, насколько позволяла поза сидящего. Они «втерли» еще по сто пятьдесят.

– Пропуски есть, конечно, совсем без них нельзя, да, Родион Касьяныч? и хлопчики ведь тоже люди, зачем все три десятка гнать на занятия, хватит и двух. Нет, ты молодец, уважаю таких, чту, – Соссий признательно пожал сургучевскую лапу. – Учись, Витя, жить! У его хлопчиков, между прочим, как у белых людей, рабочая четырехдневка, не пяти, Витя, четырех! Но, конечно же, все это требует определенных затрат, хлопчики это прекрасно понимают, не подмажешь – не поедешь, мастеру тоже надобно выкручиваться, тому же Лебедеву магарыч организовать, старшему мастеру, преподавателей кой-каких ублажить, да мало ли чего, ведь сама группа безо всего этого в ряд лучших никогда бы не встала. И потому, будь добр, за день отлучки расквитайся, сдай ассигнацию определенного достоинства в фонд мастера. Нет, ты – молодец, чту!..

На неподвижное лицо Сургучева набежала тень, слегка напоминающая застенчивость.

– А какие у него хлопчики! да на все руки мастера! Как мне в чем нужда – картоху там прополоть-выкопать, погребок отрыть в гараже – я к Родиону Касьянычу с поклоном, только к нему, уважь, мол, голубчик... и никогда, слышишь, Витя, ни-ког-да, отказу не получил...

Сургучев совершенно распарился и едва успевал отирать красное лицо, у Соссия явно упала скорость вязания.

– Есть, конечно, недоброжелатели среди хлопчиков, этот раз так подослали анонимку из букв нарезанных – предупреждение, чтобы не борзел, а внизу грибочки, намек какой-то, ухо надо держать востро... И тебе, Касьяныч?! Во, движение сопротивления... Вот черт, а курить-то больше нечего. Не сходишь, Родион? да парочку сырков еще возьми на закуску, – Соссий стал отсчитывать на стол монеты.

– Я пошел, – встал Виктор, – звонок скоро.

В вестибюле, для подстраховки, еще раз сверился с расписанием.

– Ты же, вроде, не куришь, Витенька? – принюхалась к нему Клуша.

– Да у Хрюкина в кабинете провонялся, – поморщился он. Клуша всмотрелась в прошедшего румяного Сургучева и проворчала что-то невнятно. Виктор еще раз поморщился, не мог избавиться от гадливого осадка. Он и сам сторонник приработка при первой возможности, но приработка, от слова «работа», не жульничества, дуракаваляния.

А-аа! мысленно чертыхнулся он, провались они эти сосии-родионы, тут своих забот полон рот, ералаш в голове. Как раз вот урок с группой, к которой его прикрепили в роли классного руководителя, помощника мастера, группа-то как раз та, где он тогда так позорно сорвался. А жандармскую тактику он забраковал вчистую, стал помаленьку возвращать свою, подгонял под характер и склонности, нутром чуял, что на верном пути, что работать будет куда легче и интереснее.

– Взво-оод! станови-ись!.. – Виктор обошел двухшереножный строй, придирчиво осматривая каждого ученика. – Застегнуться... Поправь парик... Ну и подравнялся, а носки торчат, будто у тебя башмаки семидесятого размера...

– Носки сквозь ботинки, если они целые, торчать не могут.

– Г-мм, резонно...

На правом фланге, как всегда, скопилось человек шесть опоздавших. Подходил еще один, мальчик худенький, роста малого, приятный на личико, с едва приметной косинкой в черных глазенках, ну типичный пятиклассник, не более того. Шагов за пять до Виктора он посерьезнел, остекленел глазами и, прижав к бедрам руки, стал четко и звучно печатать строевой шаг.

– Товарищ военрук, разрешите встать в строй! – он лихо козырнул и сильно прогнулся, что означало якобы молодецкую грудь. Вот так-то, мол, подмигнул он строю, знай наших, труссы вам мои по колено.

– К пустой голове руку не прикладывают, – Виктор чуть поморщился на себя за казарменную остроту и улыбнулся мальчишке, – молодец Смыков, становись в строй. Ку-уда? Сзади, сзади обходить надо!

– Так точно! Запомятовал тропечки. Как стоишь, болван?! – неожиданно скакнул он к длинному конопатому, как полевое яичко, парню и ухватил его за грудки. – Чему тебя учили, собака!?! Чего руки в карманах, чего опаздываешь?! У-уу! нервов на вас не хватает! – широко замахнулся и обернулся к военруку. – Врезать разочек или до перемены удовольствие отложить?.. – Рыжий моргал ошеломленно, явно не в силах удумать нужную реакцию.

– Отставить, – давился смехом Виктор, – пусть живет.

– Хай живэ, – кивнул Смыков и сожалением оттолкнул, точнее, оттолкнулся от рыжего.

– Как стой-иыйте, болваны?! Мало я вас рэ-эзал...

Пашка Минаев за метр до него вытянулся в струнку и крикнул тонким срывающимся голосом:

– Сми-иирна! Рравнение на средину!

– Вот так, это по мне, – Смыков помахал рукой благосклонно якобы восторженной, преклоняющейся перед ним толпе, разрешил «вольно» и занял свое законное место левофлангового.

– Ну, а если серьезно, без балагана, – гасил улыбку Виктор, – что это за причина ваших систематических опозданий?

– Т-так р-разве успеешь за п-пять минут, – оправдывался заика-рыжий, – и п-покурить надо, и в туалет снасаться, к-клапан-то н-не держит подолгу.

– Курить надобно бросать, жидкого поменьше употреблять, – посоветовал Виктор, – и всегда помнить, что перемена короче воробьиного носа.

– Нам бросать помогают, – подал голос Смыков, – мастаки сегодня опять карманы трясли, им теперь курева неделю не брать.

Виктор поморщился брезгливо, он тоже недавно, поддавшись общему всплеску борьбы с курением, приказал вывернуть карманы у троицы опоздавших парнишек-первогодков. Те стали покорно выгружать сигареты, и в эти секунды он себя возненавидел, ощутил гадливость, словно от совершенной им пакости, подлости, да так оно по сути и было – подлость, самая настоящая подлость, пользуясь положением, выворачивать карманы, заслоняясь при этом щитом якобы благородной цели.

Весь урок он тогда мучался, а на перемене подозвал ребят и вернул им курево. Смолите сколько влезет, сказал он, пряча глаза, смолите, если вам так приятно, хоть по три штуки зараз в зубы вставляйте, только не в стенах училища, не совсем уж в открытую.

– Сегодня, – заходил перед строем Виктор, – идем в тир...

– Урааа! – перехлестнуло его слова восторгом.

– Чтобы почистить помещение от грязи и пыли.

– У-уу!

– Шучу. Значит так, ребятки, сегодня мы с вами должны выполнить контрольное упражнение из малокалиберной винтовки. Цель – мишень номер шесть, расстояние – двадцать пять метров, три патрона...

– Ма-ало.

– Стреляем лежа, с упора...

– Я в прыжке, из-под ноги.

– Прицел открытый...

– Ранение закрытое.

– Ну, хватит, хватит болтать, а то ведь можно и строевым шагом весь урок до тира идти через Хаврошки, но так и не дойти.

На остряка зашикали, ближние сыпанули многокулачную дробь на спину.

– Оценка, из тридцати возможных двадцать пять – пятерка, двадцать одно...

– Очко! добавка десять патронов!

– ... Четверка, восемнадцать очков – тройка, ну, а меньше, сами понимаете – банан, совсем-совсем невкусная фрукта.

– А стрелковая секция будет?

– Обязательно, уже со следующей недели. Буду помаленьку, по итогам стрельб на уроках, подбирать сборную команду училища, впереди два, даже три областных соревнования, но, правда, не чисто стрелковые, по многоборью, нужно еще далеко метать гранату, бегать быстрее лани, подтягиваться разков двадцать-тридцать...

– Ни ху-хуу!

– Тренируйтесь, стрельбы сборникам обещаю вволю.

– Товарищ военрук, разрешите обратиться, – шагнул из строя Смыков. – А будет поощрение, если мишень, вообще, окажется не затронута, экономия ведь такой дефицитной бумаги. Хошь с пару патрончиков.

– Для экономии мишеней будем ставить к стенке болтунов.

– По-хозяйски, – похвалил Смыков, – в глаз – пятерка, в нос – четверка, в пузо – тройка, – жалостно посмотрел на рыжего зайку, словно уже прощаясь с верным товарищем.

– Т-ты с-себя пожалей, – не выдержал тот.

– Я на мишень не пойду, очень уж маленький.

– Пойдешь, – заверил Виктор, – для самых метких стрелков из сборной.

– Радые-то, радые какие, – улыбалась Клуша, глядя на шествующую мимо группу.

В тире пошла несколько однообразная работа – выдача патронов, отслежка правильности рапортов и обращения с оружием, безопасности на огневом рубеже, подсчетом и фиксированием в журнале результатов. Виктор уже чуть приспособился и привлекал к помощи двух-трех парнишек, чей авторитет в группе не заметить было нельзя. Нынче таковыми сонадзирателями стали Антон Таранов, Слава Баркалеш и Пашка Минаев.

За стеной, в учебном классе, взвыли дурными голосами, загрохотали сдвигаемые столы и стулья. Выдернув затворы из винтовок, Виктор метнулся туда и застал схватку двух группировок.

– Отставить погром! – гаркнул он как можно внушительнее. Сидеть в этом стылом помещении без движения, конечно же, было невозможно. Пацаны нехотя разжимали объятия, выпуская почти уже поверженных соперников, смущенно отряхивались. – Так-так... Бангладеш, Славик, будь ласка, неси-ка «пеницилин», необходима прививка... – На искажение фамилии помощник-увалень ничуть не обижался. Тут же занес «пеницилин» – длинный, гибкий шомпол от малокалиберки.

– М-ммм... – исторгся единый звук, означивший отсутствие восхищения.

– А может, лучше обсудим происшедшее со всей человечностью, – предложил Смыков.

– Ну-ну, человеческое обсуждение бесчеловечных, звериных повадок. Н-даа, принагтели вы, ребятки, и прекапитально. Мебель рушите, стрельбу из автоматов открыли в помещении, – Виктор поднял с пола макет, деревяшку, пародирующее знаменитое оружие.

– Точно, – поддакнул Смыков и звучно потянул носом, – порохом-то как прет.

Чувствовался слабенький запах курева. В форточку смолили сволоты, догадался Виктор.

– А знаете ли вы, что даже такая штука, – потряс он у носа Смыкова деревяшкой, – даже такая, раз в год стреляет, как и вилы, особенно если целиться в человека.

– Даже чаще, – озабоченно покивал Смыков, – разов пять.

– Курсант Смыков, за нарушение дисциплины я приговариваю тебя к расстрелу из этого автомата. А ну-ка к стенке, мерзавец!

– Да за что, родименькие?! – запричитал тот, плаксливо морщась и вытирая воображаемые слезы. – Вы же деток кормильца лишаете! Иття, сообщи нашим, что я пал геройски!

Виктор стал медленно поднимать левую руку с макетом на уровень глаз для прицеливания, правая же рука в это время выскользнула из кармана пальто вниз по бедру, из-под ее ладони малыми краешками выглядывал стартовый пистолет, никто его не заметил, все взгляды были устремлены на Смыкова-трагика.

– Отомстите за меня, товарищи! – приговоренный стал делать попытки разорвать на груди рубашку. – На, стреляй! Не тяни, вражина! Все равно скоро наши придут...

– Огонь! – скомандовал самому себе Виктор. Ахнул выстрел. В небольшом помещении он получился крайне оглушающий, даже сам стрелок чуть испуганно ощутил временную глухоту. Секунды на три все окостенели, а опомнившись, восторженно застонали, сверля в заложенных ушах пальцами.

– Может добить? – спросил Виктор у не совсем еще очухавшегося «расстрелянного».

– Мы на подранках патроны не экономим.

– Как вы меня четко, товарищ военрук, – удрученно-восхищенно мотал тот головой, – аж во внутренностях досе что-то ерзает.

– А не в штанах? – поинтересовался Баркалеш, бесстрастно протягивая Виктору «пеницилин».

– Отставить прививки, уноси лекарство назад, мне кажется, все встряхнулись и желание хохмить поубавилось. Вы же меня можете подвести, гладиаторы. А ну-ка, представим, зашел бы на такой урок директор, кому бы перепало в первую очередь? То-то, мозгуйте, кого подставляете. Я же мозгую так, безопаснее для меня, чтобы вы тихо шуршали ручкой в тетрадке, в тиши и тепле класса...

И все же «пеницилин» в этот урок нашел применение, а инъекцию заработал все тот же Смыков. Видя, что результативность предшественников, в основном, за пределы десяти очков не выходит, он открыл огонь по мишени более привлекательной – кабелю, ведущему к проекторам освещения мишеней. Пули, цокая в стену, обозначали себя красивыми облачками кирпичной пыли. Тут и обласкал его зад шомпол.

– Ты чего-о?! – заорал он, смаргивая непроизвольно брызнувшие слезы.

– А вы чего? – ласково спросил Виктор, кивая в сторону мишеней. – Вредим потихоньку?

– К-хаа, – шипел Смыков, яростно массируя место прикосновения. – Больно же...

Рядом потрясался от смеха Витя, «Иття», друг-заика.

– А пусть она, – Виктор прикоснулся шомполом к заднице, – не сердится на нее, – прикосновение к голове, – только я здесь ни при чем.

– Все по делу, – бодро вскочил с матраса Смыков, тоже, к слову, давно «Смычок», имени-то никто и знать не знал. – Все по делу, помрачнение трошечки нашло...

– Дядя Витя, а нам опять посылку прислали, эха! – побежал рядом в вестибюле Манюня, мальчуган лет шести. – Мне штаны и рубашку, Лариске – кофточку и колготки трех цветов, Юрке – ботинки зимние, а конфе-ет! и все шоколадные!.. – Манюня прижмурился и на рожнице его расцвели восторг и блаженство. Довольно увесистый ящик он волок сам, раскрасневшись от усилия. не доверяя идущему следом старшему брату. – Баба Луша, а нам посылку прислали, эха!..

– Да что ты говоришь?! – всплеснула та руками и пробормотала умиленно ему неслышно. – Радый-то какой Манюнечка, радый-то.

– Ну, расхвалился, – ворчал брат, ступающий крупно и степенно, сутуля хлипковатую фигуру и выколачивая из коробочки на ладонь папиросу, сластей трескаться, так тебе вагон подкатывай. – Повзросление к Юрке Поливанову пришло несколько досрочно, со смертью матери, два года назад. Поступил в училище, стало легче, разрешили восьмилетней сестренке и братцу жить вместе с ним в общежитии, питаться в столовой. Отца, плотника, устроили на полставки, но с делом управлялся Юрка – замок врезать, стул-стол подремонтировать, дверную петлю сменить мог не хуже бати.

– Пе-еетка! – донесся уже с улицы голосок Манюни. – Гля, чего нам прислали, посылку!..

– Радый-то, – грустно улыбалась Клуша и мимоходом протерла повлажневшие глаза,

– цветет-то как парнишончек.

– Даже винтовку не просит донести, – отметил Виктор, – совсем некогда.

– Виктор Васильевич, – с таинственным видом отозвал его в сторонку Мешалкин, мастер группы, которой военрук опекун, – Виктор Васильевич, – он настороженно зыркнул по сторонам, не слышит ли кто его полушопота, – в училище объявилось тайное общество, некие «опята», рассылают всем угрозы резаными буквами, нервируют педагогический процесс. У меня есть подозрения, – губы потянулись к уху слушателя,

– есть предположения, что это из нашей группы грибочки. – Он отодвинулся, округлив глаза, явно уверенный увидеть и получше рассмотреть ответный ужас на такое ошеломляющее известие.

– Даже так? – поцарапал затылок Виктор озадаченно. – Заня-яатно...

Мешалкин, суетный, тощий и малый ростом мужичок давно уже схлопотал себе кличку «Шпик». Недолюбливали его ребята за мелочность опеки, частые докладные директору и вызова по каждому пустяку родителей.

– Что делать-то будем, а, Виктор Васильевич? Это же из ряда вон событие, может соберем родителей на внеплановое собрание, пригласим директора, пусть сознаются...

Опята опята, хмыкал мысленно Виктор, опята пять ять... опята, пята. ята...

Занятный дерзкий ход пацанов, в немалой степени дисциплинирующий нашего брата, морокуй вот теперь, вычисляй соглядатая, но при этом постарайся стать образцовым, опасайся огласки того или иного собственного неблагоприятного поступка. Такая неопределенность, как он уже познал на себе, несколько угнетала, раздражала и точила исподволь. Опята, опята... кто же это? где их искать?..

Глава 3

– «Опята» и их «лукошко» – Террор Минаева-старшего – Сыч откололся – Лакомый объект, рвач-инспектор – Опята совещаются – Ограбление Минаева-старшего – Его небывалые чудачества во трезвости —

Пашка Минаев полулежал на обшарпанном диване в тесной дворничкой и поводил отре-шенным взглядом по стенам. Прямо перед ним довольно искусный крупный монтаж. Небрежно, без малейшей потуги, одной рукой держал над головой огромную, в его рост буквицу «О» улыбающийся Антон Таранов, так оно в жизни и есть, силищи у него предостаточно. Рядом Вадька Мерзликин, белолицый кудрявый блондинчик с карими глазами, силенки у него, конечно, не те, хилык против соседа, а потому и букву свою «П» держит, как штангист рекордный вес. А это сам Пашка, на пьедестале собой изобразил «Я», вернее, вписался соответствующей позой в контуры буквы. «Т», стоя на лопатках, одной ногой держал Юрка Корнев, «Сыч», этот откалываться все чаще и чаще стал в последнее время, дружка себе завел незаменимого. Последняя «А» висела в воздухе, опираясь на струю, что выдувал, выкатив глаза и раздув щеки, смешливый толстяк Венька Пухов, этого нет вообще, уехал в другой город.

О П Я Т А... Общество пяти апостолов...

Да, Мешалкин был на верном пути, чутье его не подводило, из его группы питомцы немного нервировали педпроцесс.

Пашка вздохнул и сел за стол, стал вырезать буквы из старых газет и журналов про запас, за делом время идет быстрее, не так нудишься, друзья, самое малое, через час подойдут. Вадька может прийти пораньше, ему нынче мести. Он посмотрел на график, ну да – ему, а завтра Антону. Скоро год как они метут этот участок, Пашкин двоюродный брат, мастер домоуправления устроил такую подработку, дворников-то в новых микрорайонах не хватает. Все они, кроме Вадьки, жили в Журавлевке, старом поселке города.

Рядом с графиком, над диваном висел устав, пять заповедей, над которыми в свое время поломал голову Пашка, а затем красиво вывел цветной пастой Вадька. Понемногу многословье отошло, истаяло, отстоялась же, стала руководством к действию одна – «одергивать зарывающихся».

Выше, вся стена щедро залеплена вырезками из плакатов и журналов, фотографиями и рисунками, это тоже монтаж, коллаж, где все пронизано одной темой – опята и спортивные звезды, бегущие на пределе сил, гонщики-велосипедисты и мотоциклисты, всадники, люди на дельтапланах, лыжах и санках, спортивные автомобили, животные от оленей до черепахи, все-все-все мчатся к одной цели, центру монтажа, заветной мечте и пределу желаний опят, крутолобому и юркому «запорожцу». Аппарат, что они задумали приобрести уже даже рассмотрен и приценен, он даже обрел имя – «Лимузия». Еще месяцев десять и покупка состоится, касса опят подрастает! Без Лимузии фирме никак нельзя, столько суетных всепогодных дел, да и по России-матушке есть задумка прошвырнуться в каникулы...

Пашка снова, в который раз, вздохнул и тоскливо глянул на часы, медленно идет время, ох и медленно. Дома оно, конечно, часок бы промелькнуло быстрее, но там тыкался из угла в угол всегдашне пьяный папаша, нервничал, послал за добавкой друга, а тот что-то придержался в пути. К Пашке он почти не приставал, но Пашка сам отцовскую рожу в такие минуты уже давно видеть не мог. Редко, очень редко удавалось ему видеть его трезвым.

Минаеву-старшему чуть за пятьдесят, но на лицо он совершенный старик – кожа морщинистая с медносиневатым оттенком, волосы седые с мочальной желтизной, но телом еще крепок, сказывался постоянный физический труд, работал он слесарем на ремонтном заводе.

Ну как можно смотреть на него спокойно! Пашка содрогнулся от омерзения и передернул плечами, припоминая только вчерашний вечер, подобных которому бесконечная череда, теряющаяся где-то в самом раннем детстве.

Пришел отец вчера относительно трезвый. Примечал за собой Пашка, как непроизвольно, в тоскливом ожидании поджималось его сердце при хлопке ворот при его появлении. За время, пока родитель шел к дверям, он обращался к некоему всесильному распорядителю всего и вся в этом мире, кого зрительно никак себе представить не мог, но молил его, чтобы отец был трезвым, уж очень нехорош он всегда в подпитии: зол, агрессивен, драчлив. Глава семьи вчера в избу зашел не сразу, походил по двору, что-то кхекая, зашел в баню, сарай.

– Пашка, – заговорщицки шептала мать, округляя серые глаза, – он, собака двуногая, прячет что-то, или деньги, или выпивку, вот бы найти, заспит ведь.

– А-аа, ну его, связываться-то еще...

Пашка давно и безошибочно научился определять, в каком состоянии в тот или иной день приходит домой отец, сколько выпил, знал все его промежуточные фазы, от кристальной трезвости до полнейшего ошаления. В момент его вчерашнего появления на пороге он определил разгорание огня, порция топлива в организм только что поступила, и потому движения еще были четкими, разговор внятный и ровный, болтливость лишь нарастала, аппетит был отличный, изредка резалась так не присущая ему, фальшивая минутная ласковость.

– Вот, мать, получка, – высыпал он на стол кучу скомканных бумажек, много, но одни рублевки и трешки. Глянул на себя в зеркало и поправил гребешком хохолок, кусты щетинистых бровей, бледно-голубые глаза воссияли гордостью и самодовольством. – Корми мужиков покрепче, – он потрепал сына за голову, – в точку я говорю, да, Павло?

– И это все?! – недоуменно подняла мать взгляд от стопки разглаженных денег, усмехнулась презрительно. – Не шутишь, случаем, кормилец?

– Что, мало? – насторожился отец, подался в ее сторону, сурово насупливаясь.

– Так ведь, почитай, на тридцать с лишним больше всегда приносил в расчет. – Это было преувеличением, тактическим ходом, комплиментом супругу, чтобы пристыдить его, сравнивая нынешнего с ним вчерашним, более работающим и честным, менее пьющим.

– Ах ты тварь! – уязвленно поджал он и без того тонкие, даже незаметные губы.

– А долги?!

– И выпил уже опять, хоть бы раз посуху пришел, обрадовал, и когда уж ты ее, Илья, нажрешься?..

Пашка за спиной отца сморщился и задвигал многозначительно бровями, предлагая матери прекратить бесполезные высказывания, но она отмахнулась и продолжила упреки. Просто она спешила, как знал Пашка, спешила побыстрее использовать те редкие минутки небольшой трезвости, когда мужа еще можно было пронять, пробить хоть чуть-чуть пока еще непрочную преграду опьянения. Но преграда уплотнялась и прочнела на глазах.

– Я пойду, пожалуй, – Пашка сделал вид, что собирается на улицу.

– Ку-уда?! – испугалась мать и сделала знак из-за кухонной занавески, помолчу, мол, сынок, так уж и быть помолчу.

– Да иди, – двинул щетками-бровями отец презрительно. – подумаешь, она не разрешила.

– Ну конечно, – фыркнула мать, – разрешальщик, а уроки ты за него делать будешь? Там одной математики с иксами не расхлебать, да, Пашунь?

Пашка кивнул, вздохнул и подумал обреченно, что из дома, разумеется, нынче не вырваться, про уроки она, конечно, подзагнула, слукавила, какие там уроки на дом могут быть при учебе в бурситете. Батю мало интересовали дела сына, обдурить его легко, глядишь,

образумится и не станет выступать так рьяно. Только прахом пошли надежды на его благоразумие.

– Опять без мяса? – повозил ложкой в тарелке отец, на столь ясный небосвод его настроения набежала тучка.

– На вши, Илья Афанасьич, покамест в магазинах ничего не дают, – горько пошутила мать.

– Как в прорву какую отдаешь, тащишь, и все мало, – набирала мрачных тонов, укрупнялась тучка, – а как за стол, то постись, Ильюха, жуй капустку.

– Возами тащишь, – подсказала мать, – за нынешний месяц аж семьдесят три рублика заколотил, да из тех же вырвал еще двадцать пять на прожор. А ведь ешь-то исправно, не забываешь, так что еще надобно разобратся, кто же кого кормит?

– Во-он ты запела как, так не хватает? так ты еще недовольна?..

– Да будет вам! – взмолился Пашка. – Ну, папка, ну, перестань!

– Так обидно, сынок, вкальваешь как...

– Только бутылочки отлетают.

– Да-аа? А ну-ка, – он грохнул кулаком в стол, – давай назад деньги! – Все, тучка выросла в тучищу, могучую и переспелую громом-молниями. – Деньги сюда, я говорю! Я их сыну лучше отдавать буду... Чего-оо?! – От удивления он приоткрыл рот – вплотную к его носу была приставлена подрагивающая, с душой и большой старательностью выкрученная дуля. – Да я за кукишки руки пообрываю! – Молнией сверкнула брошенная в голову матери ложка, загромыхал откинутый в сторону стул – грянула гроза.

– Ну, мамка, мамочка! – крикнул Пашка. – Ну, зачем ты его травмишь?! – Он изо всех сил прижимал руки к груди, стараясь унять нарастающую дрожь.

Но мать, словно оглохла и ослепла от ярости, не могла уже удержать так долго копившегося негодования.

– Кормилец беспштаный! Хуже нищих ведь уже ходим!

– Да хватит вам! – заорал Пашка. О-оо, как всегда хотелось ему в такие секунды перенестись туда, где в стенах царит уют и покой, где люди говорят улыбочиво, доброжелательно и ровными голосами. Но нет, не сыскать такой лазейки из этой хваткой трясины обстоятельств, да и как бросишь мать в такие минуты.

– Это я – нищий?! Деньги сюда, быстро, – тянул руку отец, – деньги, и я уйду, уж я-то сумею взять на них кусок мяса! – Но образцовая дуля все также целила ему в переносицу. – Деньги! гадина! сука! – задыхался отец от ярости, пытаясь отодвинуть сына в сторону.

– Оборванец поганый!

– Н-на! – попытался он достать кулаком мать. Пашка, уперев ладони в его грудь, безуспешно теснил.

– Слаб еще, сынок, – удовлетворенно отметил отец, – жидковат. Да ты не думай, Павло, я ее не трону, заберу вот деньги по-хорошему и уйду. Раз я – оборванец, раз меня не кормят, уйду, – играючи потеснил его грудью. А мать все также отважно держала его на прицеле дули, чем несказанно ранила самолюбие.

– А-аа! – махнул рукой Пашка и отправился в другую комнату. – Царапайтесь сколько влезет, отводите душу. – Его не отпускала дрожь, глаза застилала слезы. Состояние такое, что запросто бы начал месить руками и ногами всех подряд, и правых и виноватых, крушить все, что ни попадет под руку, может тогда хоть чуток полегчало бы, вышло бы скапливаемое озлобление. Ну, что это за жизнь? неужели взрослые, вроде бы, нормальные люди не могут положить конец этим бесконечным концертам, его пытке, договориться о чем-то тихо и нормально.

– Так не дашь? – зловеще шипел отец.

– Не дам, у тебя семья, Илья, не только о своей глотке надо думать.

– Ла-адно... – хлопнув дверью, он вышел.

Пашка видел в окно, как отец наведлся в сарайчик, где, наверняка, выпил еще. Стискивая кулаки и мыча от бессилия, заметался по комнате. Грохнуть его, что ли? подумал он со злой решимостью и достал из потайной ниши небольшой самопал. Заряд тут был что надо – пара картечин, черного пороха больше мерки, только вот заряд довольно старый, может подвести. Пашка сменил затравку и достал из буфета новый спичечный коробок, чтобы ширкалка не подвела. Стал репетировать быстрое выхватывание самопала из ниши, чем отвлекся и немного забылся, успокоился.

– Мамань, – строго сказал он, – я тебе обещаю, будешь перечить ему, уйду в общагу, завтра же, меня и так уже, как психа какого колотит.

– Ладно, сынок, ладно, обидно только, не человек я разве.

В сенцах закашлял отец.

– Шепчетесь все, договариваетесь, – покривился он, – союзнички...

– Вы мне оба одинаковы, – пробормотал Пашка. Отец стал мрачно доедать остывший суп.

– Давай, Илюш, доедай, чайку попьем, да я со стола убирать буду, – миролюбиво заговорила мать, она уже отошла, откипела, из отходчивых, – уберу да пусть Паша садится уроки делать. – Полезла в подпол за вареньем. Отец молча встал, подошел и сильно пнул в грудь ботинком.

– Эт-те, курва, за оборванца.

Мать сдавленно вскрикнула и осела, скрючиваясь, в черный зев лаза.

– Гад! Козлина! Эсэсовец!.. – Пашка даже не помнил, как подскочил к нему, и стал яростно молотить по неясно маячившему овалу ненавистного лица. Через секунды три опомнился, отскочил к порогу, но тут же, опять забыв об опасности, к подполу, откуда осторожно, с остановившимися глазами поднималась мать.

– Да не придурайся... – начал было отец.

– Я пристрелю тебя, запомни, посажу за мамку! за это таких козлов сажают!..

Что интересно, отец, вроде как, напрочь забыл о нападении, хотя лицо его красноречиво цвело пятнами от ударов, он все еще остолбенело торчал среди кухни явно ошеломленный ходом событий. Мать села на пол, свесив ноги в лаз, не в силах встать.

– Вот, Дуся, дожились, – встрепенулся отец, – наше дерьмо-то, а кроет-то как, козло-оом...

Мать тихо кашляла, прикрывая губы ладонью.

– Чего-то во внутренних хрустнуло, – пояснила она сыну виновато, – вздохнуть не могу на полную силу.

– Меня-аа, козло-оом?!.

– Посажу, по-са-жу, – заключил уже убежденно Пашка, немигающе вытаращиваясь в юлящие отцовские глаза.

– Так я – козел?

– Ты? Да гораздо хуже, ты – хорек... твоё место в лесу или клетке! – Пашка отвернулся от него и уже почему-то, даже сам на себя дивился, без опаски стал помогать матери подняться. – Поса-аадят, как миленького упрячут...

– Так вы сгорите, раньше чем я сяду, – пообещал отец из-за притворяемой двери.

Кошмар! вновь содрогнулся Пашка от таких воспоминаний. И зачем этот человек живет с ними, неужели ему приносит какое-то удовлетворение их мучать, неужели не понимает, что его уже ненавидят, и все держится пока на его силе и забитости малограмотной жены. Но ведь даже сейчас, в любой из моментов, все может кончиться для него крайне плохо, доведенный до отчаяния Пашка запросто разрядит самопал в его бедовую головушку. Нет, надо действительно сажать его к чертовой матери, пока не довел до такого греха. Кошмар!

Явился Вадька, взял метлу с лопатой и ушел мести. Там работы-то от силы на полчаса, участок асфальтированный, ветром продуваемый. Антон пришел заметно взволнованным.

– Да чуть не смахнулись прямо в автобусе с тремя хиппаками, – пояснил он.

– Стоим себе с братаном Колянном на задней площадке, заходят эти... поддатые так средненько. Один запрыгнул другу на руки и давай хныкать, как ребенок капризный, сесть, мол, хочу. Подошли к двум парнишкам, стали укорять за бескультурье, нечуткость. Те струхнули, встали. Наглеют, в общем, ребята, хамят до упора. Все помалкивают. А вот Колян не стерпел, подошел, цап одного за плечико, ох, извините, мол, я – инвалид Куликовской битвы, тут такая болтанка, а я весь состою из протезов, сесть бы мне, раны сильно ноют. Они в кипиш, но Колян уже крайнего на ноги вздернул, отодвинул, ко второму тянется, ну, а я стоящих в сторонку отдавливаю. Видят, ловить нечего, сошли, столько наобещали разного уже с улицы, хоть досиживай остатки жизни в погребке.

Но все это чепуха. Нарисовался один объект, змеи капроновые, такой объект, что всем объектам объект, наглец из наглецов!.. – Всегда молчаливый Антон нынче смотрелся неслышанным говоруном. – Я давно, вообще-то, слышал о его подвигах от мужиков, но как-то не верилось, а вот нынче узнал подробнее, из первых рук. Оказывается, он и бату тряс и Коляна...

– Таран, ты можешь бормотать внятнее, – возмутился Пашка, – какой объект, какой наглец? ничего не понятно...

– Да гаишник, Полукаров, есть такой бравый старшина.

– Я тоже слышал про такого, – кивнул Пашка, – бате один алик рассказывал, как права у него выкупал, он его пьяного прижучил, полсотни пришлось выложить.

– Он с бати сначала четвертак содрал, – сказал Антон, – тот мотоколяску обогнал, телепалась та от силы километров под двадцать. Тормознул его Полукаров и объявил нарушение, участок, мол, улицы с запрещенным обгоном. Батя давай поначалу спорить, что не обгон, а объезд. Старшина смеется, мне, мол, виднее, раз я инспектор, а вот очень принципиальные у меня всегда страдают больше. И давай ковырять: шлем не застегнут, аптечка недоукомплектована, резина на передке лысая... Батя уж и не рад был, что связался, сунул было красенькую, но уже не проходит, мало, пришлось на четвертак раскошелиться. А чуть позже снова тормознул, за превышение скорости, вместо сорока – сорок один километр с долями вымерил и снова угреб на лапу, на этот раз червонец. Ух и злился батя, даже деда надоумлял, ты, мол, с богом часто беседы заводишь, так дай ему заявку, чтобы у хапуги этого все глисты через глаза его бесстыжие повывлазили.

– Ну и как мы к нему подступимся? – хмыкнул Вадька. – Он ведь при исполнении служебных обязанностей.

– А-аа, – раздраженно отмахнулся Антон, – заны-ыл... Старшина и Коляна пару раз оставил, «газон» -то его рыдван был каких мало, долгожитель, так что придраться всегда можно было при желании. Но братан на лапу ни копейки не дал, штраф платила фирма, на передачу ходил, а потом вообще плюнул на такое ремесло нервическое, в слесаря подался.

– Судя по всему, дядя хоть и наглый, но очень осторожный, мудрый, – желтые глаза Пашки оживленно заблестели, – с какого вот только бока к нему подступаться?

– Колян рассказывал, что когда заруливал еще на севере, объявился в тех краях такой же вот полукаров, житья мужикам не стало, отключили его как-то раз и клизму поставили, спирта не пожалели, и тут же в прокуратуру звяк, приструните, мол, мусорка-охальника, пьяный в стельку на трассе буйствует.

Проверили – точно, в дымаган...

– Ну, нам такие номера не по плечу, – усмехнулся Пашка, – надо как-то без отключений. Досье надо скопить...

Неожиданно появился Сыч. Друзья обрадовались, но для начала накинулись с упреками, куда, мол, запропастился, чего носа не кажет, ни в «лукошко», ни в училище. Поделились планами, нажимая на то, что помощь его была бы как никогда кстати, ибо дел невпроворот. Но былого взаимопонимания уже не получалось. Юрка хмыкал скептически, больше отмалчивался, набухая раздражением, – страсть как не любил нравоучений. Парень он был довольно броский, симпатичный – белолиц, черноволос, в синих же со сталинкой глазах частенько стало проглядывать превосходство над прочими окружающими, кого природа одарила скупее.

От встречи к встрече с друзьями он все больше осознавал – не по пути ему с ними, интересы их ему стали почему-то казаться совсем наивными и детскими. Какое-то никому не нужное правдоискательство, мечта о покупке авторазвалюшки, путешествиях, дурацкая коллективная работа, теперь вот травля милиционера на подходе, ерунда какая-то, понарошке все, по-детски.

Другое дело Вольдемар Амарантов, которого они почему-то сразу невзлюбили и окрестили «Холеным», ни одного зряшного слова и дела у этого всегда собранного красивого мужчины двадцати пяти лет от роду, умница, остряк, друг, каких мало, ненавязчивый, чуткий, верный и щедрый.

– А ты основательно прибарахлился, – отметил Пашка, – джинсы фирменные, куртец кожаный, даже печатку где-то хапнул.

– Не жду милостей от природы, беру сам...

– Где плохо лежит, – подсказал Вадька.

– Не делай много ля-ля, за метлой следи, – резко оборвал Сыч, – а то я быстро тени под глазки наведу.

– Ну а все-таки, поделился бы открытием, где можно взять без милостыни от природы, – поинтересовался Пашка, – мы бы тоже взяли, Лимузию поскорее выкупили. Ведь одни только твои штанцы сотни полторы тянут...

Уж кому как не друзьям было знать, что в семье Юрки едва сводили концы с концами, полтора года назад умер отец, тянул из дома последнее старший брат-пропойца, мать хваталась за голову.

– Да подработал! – совсем уже зло приоскалился Юрка. – Времени хватает! И вообще, какое вам дело до моих тряпок? Подумаешь, деятели... общество, отчет им подавай... детсад сраный! – Юрка дерзко и презрительно осмотрел «лукошко».

– Ого! – подал голос удивленный Антон.

– Просто всегда были и будут плебеи, серый табун, люди, думающие только о куске хлеба и новой заплате на драные штаны, и люди, умеющие жить на широкую ногу, красиво.

– Так мы – первое, серый табун, а ты – второе, белый скакун, – покивал Пашка.

– Вы просто пока не замечаете существующих возможностей. Кругом же швы и прорехи, только чуть-чуть разуй глаза, нагнись и подними то, что валяется под ногами. Ведь все, абсолютно все, о чем вы мечтаете, упирается в деньги, каждый из вас это все прекрасно понимает, ради этого все мы пошли в бурсу, чтобы побыстрее иметь собственные гроши, покупать то, что хочется нам самим. Но грошей все нет и нет, вот вы и тужитесь, в игрушки играетесь...

– С чужого голоса поешь, Сычара, – поморщился Пашка, – слова-то сроду не твои, заемные. Воровать, что ли, нас зазываешь из швов-то и прорех?

– Дурак! – отшатнулся Юрка. – Чего мелешь?!

– Ходишь болонкой у ноги этого Холеного.

– Заткнись... мухомор!

– Чего-оо?! – начал привставать Антон. – Это про какие ты там новые заплатки на наши старые штаны буровишь, пидр?

– Да видал я вас всех в гробу! – даванул спиной дверь Сыч и выскочил, знал, против силушки Таранова рыпаться бесполезно.

– Вот так перелицевался, опенок, – поцарапал затылок Вадька.

– Он уж с полгода такой, – процедил Пашка, – просто помалкивал. Гадина этот Холеный, нутром чую, гадина ядовитая.

– Может уработаем как следует, чтобы отстал? – предложил Антон.

– Да он, говорят, боксер-перворазрядник.

– Против лома нет приема.

– Что толку-то, али не слышишь чего сам Сыч поет? – хмыкнул Вадька.

– А-аа, ну их, – махнул рукой Пашка. – Некогда пока с ними панькаться, посмотрим, как дело дальше пойдет.

– Во! – вскочил Вадька. – Есть идея, как захомутать Полукарова!

– Погодь с секундочку, Вадюх, – попросил Пашка. – у меня к вам, мужики, дело есть, личное, неотложное, долго голову ломал, пока вот насмелился вам сказать. В общем, папенька мой разненаглядный зверствует эти дни совсем не на шутку, отобрал у мамки все деньги, дерется козлиная... – он полуотвернулся, стиснул зубы и часто-часто заморгал, – совсем житья нет нам с мамкой... хоть из дому убегай, глаза завязавши. Есть у меня одна мыслешка...

Услышав суть предложения, друзья расхохотались, загомонили, обсуждая детали плана. Стоящий по ту сторону двери Сыч досадливо плюнул и пошел прочь – о нем, похоже, говорить больше не соберутся.

– Ничего, вы еще вспомянете Юрку Корнева, – пообещал он, обращаясь к скобоченной, мутной в облаках луне, единственному за что можно было зацепиться взглядом в густой темноте. Оскользнулся на обледенелом тротуаре и упал. Встал, поозирался и со злостью вытер мокрые ладони о джинсы. – Ничего, вспомянете, на карачках приползете!..

Журавлевку облетела новость – ограбили Минаева-старшего. Возвращался он домой затемно, по родной улице, каждую кочку которой знал назубок, скорее, налокотно да наколенно, само собой, в изрядном подпитии, и вот нате вам, неожиданно споткнулся и упал. Уверял, что якобы проволока была натянута. Ну, упал, полежал себе да встал бы, дело привычное, так ведь тут же на спину уселся какой-то молодец, ухватил за волосы и встремил под лопатку что-то острое, нож, чего кроме него, да приказал на ушко помалкивать. Два помощника же в момент выпотрошили карманы, Илья Афанасьевич даже земельку чуток покусал с досады, ибо уплыл заветный сверточек с деньгами, сто шестьдесят три рублика. Лежал он, как велено для охраны здоровья, потаенно, без шорохов, и не ведал чем все-таки разгневал одного из нападавших, только при отходе тот трижды пнул по ребрам и в грудину, сильно пнул, старательно, даже хакал от усердия.

Домой глава семьи явился трезвехоньким и каким-то пошелковевшим, размягченным и обходительным, в который круг рассказывал разбуженным жене и сыну о человеческой подлости, ведь он, раскаявшийся шел домой с одной святой целью – докопеечно вернуть отнятое, то есть жили бы они весь месяц сытно и безбедно, как в раю.

По трезвости, неожиданной и продолжительной, он стал чудить – то навозит воды в баню, то примется латать крышу, а однажды остервенел настолько, что переколол кучу комлей, что вековечно загромождали угол двора. За ужином Илья Афанасьевич откушивал так высокочтимые им фрикадельки и пельмени, немного ворча на несомненный рост долгов. Супруга деликатно напоминала, что, мол, есть еще в этих стенах, хоть и завалыщенький, но мужик, кормилец, глава семейства, кто в грядущий аванс без особых усилий погасит все ссуды. Для того же, чтобы ему работалось более радостно, высокопроизводительнее, пища должна быть вкусной, питательной и легко пережевываемой. Супруг сокрушенно, согласно кхекал – вверху у него три с половиной зуба, внизу – семь, факт, с которым приходилось считаться.

Зубов же так мало осталось потому, что он безжалостно удалял их сам при первых же болезненных сигналах. В таких случаях, изощренно сквернословя, для наркоза, он опустошал

стакан водки и минут десять прохаживался, затем доставал плоскогубцы отирал их о штаны для стерилизации и доотказа разевал рот перед зеркалом. Мыча от страшливого отвращения, торопливо исчезала жена, Пашка, не без волевого усилия, но оставался, брала верх любознательность.

Скрежет металла о кость зуба, хруст приподнимали все волосы на голове и теле. Наконец, чревовещательное бубнение прекращалось, исторгался кромешный мат. Остатки бутылки шли на полоскание полости рта, само собой, без сплевывания. А вскоре, он уже храпел, поскрипывал оставшимися зубами, бормоча что-то маловнятное, даже кое-когда жестикулируя, не на шутку сердчая на некоторые персонажи своих динамичных сновидений.

Отужинав, хозяин укладывался на пол, на половичок, чадил папироской, вполголоса бубнил комментарии телепередачам, какие вполглаза смотрел все подряд сразу по двум телевизорам. Да, телевизоров марки «Рекорд» у Минаевых было два. Первый они взяли в кредит. Оставалось два взноса, когда Илья Афанасьевич приволок точно такой же, только чуть поцарапанный и неисправный. Оказалось, он вознамерился помочь другу, собутыльнику, грузчику универмага при разгрузке товара, но подвели торопливость и опьянение – споткнувшись, уронился вместе с ношей. В тот же день, нарушив правила торговли, ему помогли оформить второй кредит. А вскоре заглянул телемастер и за считанные секунды оживил близнеца. Покупателей сыскать так пока и не удалось и хозяин решил, что в данном недостатке есть и свои достоинства, стал смотреть два канала сразу, один немой, другой со звуком, в зависимости от интереса к передаче.

Пашка с матерью не могли нарадоваться на размеренную и спокойную жизнь, столь редкую в этих стенах. Совсем нормальная жизнь наладилась, и они наслаждались ею, как никто ощущали ее течение, смаковали столь желанные дни и даже часы.

У всех из нас бывают радости, у кого-то их больше, у кого-то меньше. Чем их меньше, тем они почему-то больше осязаемы.

Глава 4

– Удачная охота автоинспектора – Фотослежка – До костей промерзший Мерзликин – Повально-принудительная стрижка бурсацких голов – Огнестрельные забавы – Пуля Смычка в верхке от головы Мерцалова —

Старшина Полукаров не хватал звезд с неба, мудро удовлетворялся тем, что имел, малым, вроде, и неброским. Ему чуть за сорок, более десяти лет в ГАИ. При желании мог вырасти, рекомендовали на учебу – не пошел. Сослуживцы недопонимали, ведь умный мужик, за плечами педучилище, дошфак, к пенсии до капитана мог вырасти играючи, но нет, он не распаялся, не оболящался такими перспективами. Красивый мужчина, крупный, породистый, веяло от его фигуры властью, уверенностью в себе. Случалось, в кабинет где сидели инспектора, вламывался какой-нибудь шалый нарушитель, в званиях не смыслящий, главного исчисляющего по наитию, так вот всегда они, такие нарушители, ошибались, обращались к Полукарову, хоть и сиживали рядом нередко майоры.

Нелюдим был старшина, замкнут и неразговорчив, работать предпочитал в одиночестве. Поговаривали, что очень уж у него липучие руки, но только поговаривали, служакой он числился в ГАИ образцовым, да и о ком во все времена не поговаривают, разве накинешь платок на чужой роток.

Но, действительно, Альберт Тарасович дань с нарушителей взимал давно, систематически и хладнокровно. Дающие дань даже судорог никаких не предпринимали по его обличению, осознавали – бесполезно, улик никаких. Так, поворчат в узком кругу, стравят пар да и умолкнут, да и к тому же у самих рыльце в пуху. Осторожный Полукаров тщательно выверял каждый из своих шагов, действия его не носили никакой системы, чутье и опыт подсказывали делать шаги нестандартные.

И все же любимое место у старшины было – безлюдная остановка на трассе, километрах в десяти от Гумбейска, областная трасса, лучше прочих дорог в районе ухоженная, несоменный магнит для лихачей. Остановка, стандартный навес на холме, откуда далеко, на обе стороны просматривалась дорога. Видимость для водителей при подъеме ограничивалась, поэтому обгон запрещался, больше того, за километр до остановки дорога со стороны Гумбейска имела небольшой плавный поворот, что тоже явилось причиной другого запрета, ограничения скорости до пятидесяти километров в час.

Действия на этом месте у инспектора разнообразием не отличались, чего и не требовалось – безлюдье, все просматривается на километры вокруг, даже разговаривать он позволял себе в полный голос. Вот и нынешним утром он привычно поставил свои «жигули» за навес, с дороги не видно, зашел под крышу, закурил и стал рассеянно, казалось бы, поглядывать по сторонам, пошла работа.

Тишина. Воздух чист и неподвижен. На золотистые иглы еще невидимого солнца сладострастно нанизывались немногочисленные в той стороне тучки, рыхлые и заспанные. Морозец, трава поседела от инея. Старшина легонько постукивал себя по бедрам и плечам, прогоняя озноб, мычал незатейливый мотивчик. Пребывая в хорошем настроении, будучи здоровым, сытым и отдохнувшим, Альберт Тарасович на некоторое время почувствовал себя радостной частицей матери-природы, напился жалостью к сидящей на столбе вороне, нахохленной и угрюмой, без сомнения, голодной и холодной. Тебе-то какво, милая птаха, нагишом, без

тепла очага, молвил он грустно. Та на звук голоса шевельнула телом, похожим на беспарусную ладью, и ругательски каркнула. Старшина вспомнил, что живет эта дрянь очень долго, что вредитель, и стал прибрасывать, смог бы или нет снять ее на таком расстоянии с первого выстрела. Заключил, что с ружья так запросто, с пистолета – вряд ли.

Пошли редкие машины, больше порожние грузовики, и автоинспектор лишь пренебрежительно сплевывал горькую от никотина слюну. Но вот завиднелся грузовой «Москвич», скорость не меньше сотни. Водитель, парень лет тридцати, даже не пытался оправдываться, кивал согласно и яростно потирал шею, горел он синим пламенем – скорость превышена, ручник не работал, обгон, резина на двух скатах «лысая» и, самое главное, не было накладной на перевозимую обувь. Старшина неумолимой рукой засовывал его удостоверение во внутренний карман.

– Не губи, начальник! – взмолился парень. Ворона испуганно снялась и тяжело замахала прочь. – Проси, чего хочешь!

– Ну-уу, молодой человек, как вы дешево цените свои права, – пошуршал Полукаров принятым червонцем и сунул в брюки. – Глубоко ошибаетесь, причем в несколько раз ошибаетесь. – Он вытянул из грузового отсека пару сапожек, изготовленных явно в какой-то из артелей быткомбината. – Тэ-экс, – скептически осмотрел он обувь, – сорок третий... Нога у меня какая-то нестандартная, сам не могу понять, не то сорок второй, не то сорок третий, – пожаловался он парню, – но эти, по всему, должны пойти, надо примерить. Вот что ваши права стоят, голубь ты мой сизокрылый, – потряс он сапогами, – да и то так, на мягкое сердце.

– Э-ээ! – рубанул обреченно рукой парень. – Бери... И чего людям не спится, – пробормотал он, вставляя удостоверение в потертые корочки.

– Работа у нас такая, – отечески улыбнулся инспектор.

Транспорт пошел совсем гуще, лихачей старшина только успевал осаживать, но брал не у всех, большинство карал как положено – кому штраф, кому дырку в талон. А потом наступила пауза, машин поубавилось. Полукаров бесцельно походил вокруг навеса, по дороге. Покачал головой удрученно, какие-то шутники, то ли силачи, то ли краном затащили на крышу навеса ржавый-прержавый бак, он до этого на обочине несколько дней валялся, уронили, должно быть раззявы с перегруженной машины металлолома. Претяжеленная штука, стенки миллиметра на три, он пробовал, даже с места не шелохнул железяку чертову. Скорее всего, на крышу бак закинул какой-то пьяный хохмач на погрузчике, прикидывал инспектор, на кране хлопотно, лапы-опоры надо откидывать. Бывают же на свете придурки, вздохнул старшина и залез в машину – окоченел изрядно. Завел двигатель, включил печку, приемник, извлек из сумки термос и бутерброды – хорошо! Не так уж и дурна жизнь рядового инспектора, прижмурился он на залитое солнцем пространство.

Окоченел не только Полукаров, еще сильнее задрог Вадька, лежащий под колпаком бака. Когда старшина в последний раз заходил под навес, он не на шутку опасался, что его выдаст громкий стук зубов. О-оо, как проклинал себя Вадька в эти минуты. Так опрометчиво дать замуровать себя в этот ледяной гроб. От бетона плит и металла калило столь всепроникающей стылостью, что уже через полчаса он совершенно одеревенел, не спасли ни ватные брюки, ни полушубок. А теснотища! Только и елозь чуточку скрученный в зародыш, с коленок на бок и обратно. Ох и дурачок! но кого винить, как не себя, сам ведь предложил эту фотоохоту, он с ненавистью скосил глаза на «Зенит» с телеобъективом. Вадька даже несколько раз ловил себя на мысли, что близок к отчаянию, готов закричать, попросить помощи у того же старшины, потому как самому из этого склепа вылезти сил никогда не достанет.

В который раз он уместился на четвереньках, сжался в комочек, спрятав лицо в коленях, тащательно подоткнул под себя полы полушубка, решил скапливать тепло дыхания. Ах,

съемка, съемка. Он чуть не заголосил от досады, когда инспектор выторговывал сапожки, а у него уже настолько почужели пальцы, что ни затвор взвести, ни резкость навести, ни видоискатель протереть, куда он умудрился дыхнуть. Такие кадры ушли!..

И все-таки, порой, на него, Вадьку, накатывают сомнения, во имя чего же они придумывают себе искусственные трудности, может, действительно, как говорит Сыч, все это лишь детская игра. Ну зачем он здесь корчится от холода, если мог в эту минуту полусонный и размлевший слушать вполуха бубнение преподавателя в теплом классе. Чтобы одним хапугой стало меньше? Ну, стало. Что дальше? Если бы он был один. Да кто они такие, в конце концов, чтобы лезть в подобные дела? Ведь должны быть специальные подразделения, люди, следящие за порядком в той же милиции. Н-да, лучше бы, конечно, заключил он, орудовать тут кинокамерой. Но пока о ее приобретении нечего и мечтать. Да, деньги нужны везде. Взять ихние траты только на доставку сюда этого бака, только одного бака! В один прием была истрачена половина ихнего дворницкого дохода, сделан шаг назад от Лимузии.

Стиснув зубы, он напрягся каждой жилочкой тела и надолго задержал дыхание в попытке прогнать неотступную дрожь, озноб. Он никогда так не замерзал, это что же, простывать из-за этого рвача, заболеть, а то и копыта откидывать? Ох и болваны! и все ведь вроде продували, а про такой пустяк как холод в абсолютной неподвижности, в металлическом гробу, забыли. Ох и болва-ааны! Он глянул в глазок, может уехал старшина? Как бы не так, пригрелся скот в машине-то, а может и вздремнул даже. Эх, присесть бы раз полста, пробежаться километр-другой...

Прав отец, деловитости, сметки и хватки в сыне ни на грамм. Хотя и отцовская деловитость ему тоже претит, недолюбливал он предка за очень уж рабское поклонение рублю, постоянную гонку за клиентурой, выгодными заказами, типичный фотолакей, никакой гордости, а ведь он мастер, профессионал каких мало.

Вадька прислушался, двигатель перегазовывал, а вот и заурчал потужливо – отбывает ненаглядный, наконец-то. Он замычал и стал раскачиваться и толкаться в стенки бака уже без опаски быть услышанным. Наконец-то – свобода, движение до пота, скорее бы в училище, такое тепленькое, родное и уютное! Училище... он непроизвольно поморщился, вот и учеба, разве по его искреннему желанию, так, увязался за друзьями, да и школа порядком осточертела. Он и музыкалку вот также отмучал по хотению мамы, сто-оит себе теперь баян, напиткивается пылью. А вот фотография ему понравилась, только не гонка бесконечных, однообразных «карточек», нет, фотография глянулась ему как искусство, не как ремесло...

– Вадюха! – изумился Пашка, когда бак отвалили в сторону. – Опенушек! Да у тебя ведь губы синие!

– З-ззадубарел, – косноязычно сказал Вадька, челюсть непроизвольно плясала. – З-зубы инеем заросли.

– Сейчас разомнемся, – пробасил Антон. Они спрыгнули с крыши и принялись толкаться, бегать, рогоча беспричинно, Вадька часто падал, совсем тупо подчинялись одеревеневшие ноги. Да и друзья прочертели изрядно, они ведь тоже на свежем воздухе неподалеку отсиживались.

– По коням, змеи капроновые! – скомандовал Антон, усаживаясь за руль отцовского «Урала». – Надо еще на второй урок успеть, а то Шпик уже телеграммы во все концы отбивает...

Вадька залез в коляску и укрылся с головой накидкой. Вдруг, ни с того, ни с чего едва не расплакался, так хорошо ему почему-то стало с друзьями, враз испарилось все сомнения и ожесточение, ушла досада на собственную глупость. Стало даже стыдно за недавние мысли. Разве у него когда повернется язык пожалиться, подвергнуть сомнению то, чем они с друзьями занимаются, да никогда! Ради вот таких минуток «хорошо» он готов и не на такие испытания.

Никто кроме них не сможет подарить ему таких минуток. Он крепко зажмурился и счастливо улыбнулся. От них он такие проявления своего умиления тщательно маскировал, стыдился, был уверен, что не поймут, засмеют.

Мотоцикл взревел, от ускорения Вадьку вмяло в сиденье, а на резком развороте едва не выдавило вправо. Антон с техникой обращался круто, но умело, технику чувствовал и в надрыв, на излом никогда не пускал.

Мастер довольно скептически похмыкал на объяснение – внезапная поломка мотоцикла в дороге – и посоветовал добираться до места учебы, как все, автобусом, не гробить здоровье по такому холоду. Наказал также строго, чтобы безо всякого ропота шли на стрижку. Училище уже бурлило в обсуждении данного массового мероприятия.

Надобно сказать, что решение о повальной стрижке было подсказано, в основном, соображениями гигиеническими, а не эстетическими. А все затем, что в некоторых буйных, не особо тревожимых мылом-шампунями шевелюрах, не так давно завелись посторонние многоногие существа. Факты, в общем-то, единичные вызвали у медсестры мистическую панику, весть достигла санэпидстанции, горно – родилась инициатива.

После линейки, на которой прозвучала ошарашивающая новость о прибытии бригады парикмахеров, добрая треть личного состава разбежалась. Кто подался к трассе, домой, кто забился в общежитие, кто отступил в спасительные заросли старого оврага, где мастерски разведя бездымные костерки и выставя дозорных, мальчишки решили пережить страшное время. Некоторые из оставшихся спокойно, без крика, уведомили мастеров, что стричься не собираются еще года два, до армии, и пусть только кто попробует их тронуть. Другие, помягче характером, вымаливали разрешение у директора и его замов, имея на то весомый аргумент – головки их были ухожены, надушены, а у кой-кого даже завит-подкрашен локон. Третьим же пришлось по душе неразбериха и шум, скомкавшие на нет весь учебный процесс, равно как и сама стрижка, бесплатная и своевременная. Словом, как бы то ни было, работы двум парикмахерам хватало и даже не на один день.

В учительской, что превратилась в мужской зал, яростно заклацали ножницы, и взвыли машинки. Спешка неизбежно накладывала отпечаток на качество работы, ограничивала творческие возможности, и потому кое-какой из клиентов искренне негодовал, скорбно разглядывая себя в зеркало, роптал на тех, кто так грубо попрал его своеобычность.

– А посвежел-то как, зайчик, – фальшиво умилялся представитель педсостава и ласково накалывал ладошку на ежик затылка, – глаза бы от тебя не отрывал, красавчик...

– Да пошли вы к бесу! – нырками уходил тот от вымученных ласк. – Ну, кому это надо? уши теперь, как у чебурашки торчат.

Следовала совсем корявая шутка, что и ушки подравнять можно, и ученик недоуменно оглядывал автора нелепицы с головы до ног, и откуда, мол, только у людей веселье режется в столь ответственный и серьезный момент.

На уроке НВП заглянула Лепетова и объявила, что минут через десять подойдет очередь их группы шагать к парикмахерам. Пашка с Вадькой решили сдать, не конфликтовать лишней раз с мастером, Антону, как и некоторым другим ребятам стрижка не требовалась, сами любили короткие прически.

– Та шо ж такэ робится! – горестно запричитал Смычок и, вцепившись в чуб, стал раскачиваться из стороны в сторону. – Куды тильки от таких дядьков ховаться?! Иттенка! – метнулся бесенок на соседа, обвивая его шею. – Как же нас, коханэнький, бабоньки на танцах признавать будут?

– Т-тебя п-по запаху, – степено расцепил тот руки друга, – у т-тя ведь н-носки с мясом срослись.

– И тебя есть по чему, тараторочка ты моя рыжманная... – Больше взывая к вниманию класса, попросил ласково. – Итенька, покажь бутылочку со святой водичкой, ну покажь, будь ласка, не жмись...

Витя осуждающе покачал на друга головой, испытующе глянул на военрука, соседей, на конопатое лицо набежала тень сомнения.

– Та нэ трухай, – наседали Смычок. Не дождавшись, пока Витя стронет объяснение, пояснил сам. – Шукав Иття кругом снадобье от заикания, чуть за границу не уехал, в Мордовию, а вонэ пид боком, в Ольховатке, бабуська одна производит в виде святой воды, цистернами люди увозят. Могутнейшее средство, три глоточка в день и через неделю...

– М-ммесяц.

– Во, и через какой-то месячишко все как рукой снимает.

Уступив настоятельным теперь уже коллективным просьбам, Иття продемонстрировал окружающим чекушок с кристально чистой водой. Пашка сделал вид, что крупно глотнул и заговорил восторженно.

– Ой, п-пправда! Б-ббесп-пподобно!..

– И сколько ты заплатил за это? – поинтересовался Истомин.

– Т-та п-пустяки, салыца там шм-маточек, яичек д-десяток.

– И помогает?

– П-пока незаметно, рано, п-позавчера ведь взял т-только.

– Не переборщи тильки, коханэнький, не пей помногу, а то затараторишь чаще автомата Калашникова...

– Ну, что, бойцы, пора шагать на эшафот... то бишь, салон красоты, наводить маршфет в ваших зарослях. Только потихоньку, на цыпочках.

– Винтовочки ба взять, а, Виктор Васильевич, их ведь там полчища, неужели толкаете на рукопашную?

– Ну, хватит, потише-потише! Таранов, отвечаешь за дисциплину среди оставшихся.

– А сами-то не подстрижетесь, на халявку-то? – поинтересовался Вадька, скептически оглядывая несколько подзапущенные волосы военрука.

– Одним из первых, – заверил Виктор. – Ты не болен, случаем, Мерзликин? Лицо-то как полыхает.

– Да нет, здоров, – Вадька потер глаза и замаскировал ладошкой широкий неудержимый зев, отогрелся и напала сильнейшая сонливость.

Простыни в пылу работы даже не встряхивались, инструмент не менялся и не протирался, и Виктор почувствовал, как к горлу катнул ком брезгливой тошноты, но на попятную идти было поздно. Зато личный пример благотворно повлиял на общее настроение группы, почти не тратилось время на уговоры и препирательства. После стрижки он вышел в коридор, отвлечься, да и тошнотный ком так и не уходил.

– На днях читал в газете, – позевнул Вадька, – расписали, как директора одной школы киданули за такую вот мероприятию...

Лепетова насторожилась и шагнула поближе, чтобы услышать получше слова, адресованные якобы только одному Пашке.

– Напоролись на грамотного родителя, настучал куда следует, – Вадька подмигнул другу. – Зря пацаны в областную собираются слать, лучше в центральную или «Крокодил»...

– Чего, чего это там посылать? – стала с выщелкиванием выкручивать пальцы Лепетова. – Куда, зачем?

– Ой! – испуганно оглянулся на нее Вадька, прищлепывая губы ладонью. – Вы, Анна Михаловна?! Да ничего-никуда, никто-никому, откуда вы взяли?

– У-уу, баба базарная! – замахнулся Пашка, свирепо вытаращиваясь. – Он пошутил, Анна Михаловна,

– И все-таки, если начистоту, по-комсомольски?

– Ей-бо, никуда-никто! – клятвенно уложил руки на груди Вадька.

– Кто ж на людях даст показания, за которые перо в ребра полагается, – сурово поддакнул Смычок.

– А т-труп расчленят и с-сожгут...

Лепетова растерянно заулыбалась, попроснела лицом, задумалась, яростно выкусывая заусеницы, и вскоре вышла.

– Пусть помечет икорку, – ухмыльнулся Вадька.

– П-ппапиросыч сейчас п-придет.

– Милости просим! – театрально протянул руки к двери Пашка. – Стрижем-бреем-кровь пускаем!

Зашел Истомин, всмотрелся в лица ребят пытливо, усмехнулся.

– Ну, шо, шо вы так богато хапаете?! – заверещал под ножницами Смычок. – На дворе чай не май месяц, змэрзнет башка-то! – Высунутым из-под простыни зеркальцем он контролировал действия быстрых парикмахерских рук. Истомин, глядя не него, неудержимо разулыбался. Если до этого ученику Смыкову можно было дать четырнадцать, от силы пятнадцать лет, то теперь не более двенадцати. Отсекаемые пряди неуклонно его омолаживали. Присутствующие поняли, чему улыбался военрук.

– Я т-тебя усыновляю! – торжественно объявил Иття и поправил ему смоляной под линейку чубчик, вытер нос. – А-а-а, си-си н-не хочешь?

С немалым удовлетворением смотрела на свою работу и парикмахерша. Зато при стрижке Итти на лицо ее набежала удрученность, она даже чуть приметно брезгливо приоскалилась – расческа в эти масляные пропыленные патлы могла только вонзаться, а вот сдвинуться с места не имела ни малейшей возможности. Поднятый пласт волос, словно пук медной проволоки, принимал любое положение.

– Ты когда последний раз мыл голову? – спросила она, прикидывая, что же предпринять дальше.

– В п-пятницу.

– Сегодня, что ли? – Она выбрала самый крупный гребень и ножницы посолиднее.

– Т-гаа в позату.

Волос с попискиванием стал подаваться.

– Он мопед к весне готовит, – пояснил Смычок, – волосню вместо ветоши пользует.

– О-оо, сколько валенок можно навалить, – подивился зашедший директор густому волосяному покрову на полу, улыбаясь, согнал ногами кучу. – Во, другое дело, – погладил он Витину сальную голову, – а то самурай был какой-то... – Лыков с удалством крутнулся на каблуках и с напускным весельем осмотрел ребят. – Так кто тут недовольство выражает, ребяташки? – Те смущенно отводили глаза в сторону. – За спиной такие дела не делаются, пришли бы ко мне, сказали напрямую, так, мол, и так, уважаемый, нам вот это не по душе. Посовещались бы, подкорректировали действия. А то жалобы строчить да подписи собирать за спиной небогато умишка надо. Вот ты, сынок, – выцелил он пальцем Вадьку, – скажи мне, чего здесь неправильного? Бесплатно подстригли, наодеколонили, да еще во время урока.

– Мне не идет коротко сзади, – буркнул Вадька, – у меня тогда голова огурцом делается.

– Но это уже компетенция мастера.

– Очень коротко стригут, – заметил Смычок, – под зэка.

– Так вы заказывайте, как вам нравится.

– Ну-уу, послушали нас, в такой-то спешке да фасон соблюсти.

– Спасаемся от вошек, а ловим лишаи...

Виктор похолодел, вот это-то – запросто, и как он не подумал перед тем как высверкнуть, при такой-то гигиене.

– Слышали, товарищи парикмахеры, претензии! Мы вам денежки заплатили как положено, так что не надо спешить, лучше лишний раз приедете, если не успеете, надо работать так, чтобы наши юные клиенты остались довольны.

– Так что же все-таки за послание, а, ребяташки-козлятушки? – он поморщился и потер грудь. Бесшумным видением у двери возник Шпик, в глазах испуг и тоска – опять что-то его питомцы нашкодили.

– Да пошутили мы, Никодим Пап... пардон, Петрович! – принял клятвенную позу Вадька.

– Со скуки, в очереди языками молили, а Анна Михаловна поверила...

В коридоре, не тая раздражения, директор сказал:

– И когда уж вы, Анна Михаловна, научитесь решать такие пустяковые вопросы самостоятельно. Прибежали, переполошили, от дела оторвали, а все попусту. Так и ходи рядом директор, делай за всех работу, ладно еще технички пока не просят подсказки.

– Так, Никодим Петрович...

– Не надо! Повторяю, побольше самостоятельности, я не буду по вашей прихоти разрываться на части. Все, работайте! – растопыря полы пиджака засунутыми в карманы руками, он неторопливо с достоинством отправился по коридору. Он нравился самому себе директор в такие минуты, в минуты общения с подчиненной Лепетовой, трепет у нее был всамделишным, искренним, близким к суеверному. Не то что у большинства остальных сотрудников, какие запросто могут позевнуть в разгаре иного разноса, когда наказуемым лишними истрепанными нервами оказывался он сам.

Опять перестаралась, растерянна и часто заморгала вслед директору Лепетова, губы ее беззвучно шевелились в попытке стронуть так и неначатое оправдание.

Выйдя напиться у коллективного фонтанчика, Виктор услышал в вестибюле невнятное, но судя по интонациям, раздраженное бубнение голосов. Стукнула парадная дверь, и голоса стихли.

– Никак директора немного погоняла, а, Игнатовна? – поинтересовался он.

– Погоня-аала... – Клуша поднесла к глазам спицы и стала нанизывать сбежавшие петли, нет, не получалось – подводили приплясывающие пальцы.

– Ведь все вы грамотные люди! такую надсмешку чинить над ребяташками... И выскажала, и выскажу, в глаза, кому только такое в башку пришло, ведь не стадо баранов, люди ведь! ии-ээх! – махнула рукой и отложила шаль. – И все помалкивают, довольные, лишь бы их самоих не трогали.

– Я вот тоже на дармовщинку обкорнался, – пригладил волосы Виктор и снова ощутил тошнотный ком в горле.

– И радый? – Клуша снисходительно улыбнулась.

– Да не совсем, если честно, за малым не сблевул.

– Так и они, детвора наша, тесто ведь тоже самое... Витенька, будь добрый, перелови мне петли, упустила старая, эвон руки-то как расходились с ругачки.

– Оно и директора поймешь, тюкают со всех сторон сердешного, а с наскоку-то, второпях, так оно все и делается – задом-наперед... У него силешек-правов небогато, так одна мнительность. Нет ничего тяжелее, чем исполнять стороннюю глупость, да еще на стольких глазах, как тут не переживать, не психовать, – она глянула сочувственно в окно на шагающего к магазину Лыкова.

– Наберет сейчас сердяга курева полные руки и ну засмаливать для успокойства. Ну разве не износится человек до срока с такой работой. Вахтерша, нуль без палочки, и та норовит

указать, а то он без меня не осознает... как тут не сноситься человеку... – Клуша продолжила ворчливое бормотание, становящееся все тише и невнятнее по мере погружения в работу.

Только на перемене, после стрижки друзья сумели более обстоятельно обсудить утреннюю слежку за инспектором. Пашка восторженно потирал ладони.

– Ничего-ничего, все отлично, зачин есть, теперь он от нас не уйдет. Мы теперь тебя, Мерзляка, оденем так, что пар будет валить, матрас постелим, в валенки-тулуп обмундируешься рукавицы меховые...

– Грелку можно заделать, – сказал Антон, – большая бутылка с водой и пузырек с кислотой, подпускаешь помалу, и бутылка весь день горячая.

– Термосок с чаем горячим! Да курорт организуем, Вадюха.

– Кинокамеру бы где организовать, тогда вообще для Полукара завал, вычленил потом нужный кадр и в печать, фотиком поймать нужный миг не так-то просто. Но ладно, пока обойдемся и «Зенитиком», уловим что нужно, раз нужно.

– Обойдемся, – согласно покивал Пашка.

– Так ты, Антоха, нынче на полигон не ходок?

– Не ходок, откалываюсь, пристреляете пушечки и без меня, это вам только в большее удовольствие. Работы дома по горло, приволокли вчера «Москвича», с трассы какие-то змеи по пьянке слетели, все стойки повело, крыша блином...

– Ну ладно, управимся с Вадюхой, жратвы, кстати, нынче про запас можно набрать запросто, разбежалось полбурсы, на обед-ужин идти некому...

Училище подвержено многим эпидемиям, точнее, поветриям, массовым увлечениям. То карты, то кулачные поединки, то любовные вздыхания, нынче же, в эту осень, многие из учеников предались огнестрельным забавам, изготавливали пугачи, бомбочки из разнообразных смесей, а больше самопалы, поджиги, серьезное, в общем-то, карманное оружие, зачастую, мало в чем – разве в многострельности – уступающее пистолету.

От внимательных глаз не ускользала некоторая перемена в осанках парнишек, многие из них ходили теперь гордо и независимо, преисполненные собственного достоинства. Оружие уравнило всех, даже вчера еще забитых и слабых с самоуверенными и сильными. Теперь даже самый плечистый вершитель несправедливости мог моментально расплатиться за нанесенную обиду кровью, ибо после всегдашнего, привычного шелчка, выданного мимоходом, любой сморчок мог многозначительно нырнуть рукой за пазуху и погромыхать в кармане спичечным коробком.

Местные жители вечерами старались находиться подальше от близких к поселку рощиц и огромного оврага, заросшего ивами и осинами, откуда доносились довольно частые хлопки. Сторож училища, дед Хоменко, раз от разу цветастее рассказывал всем о пуле, что свистнула у виска и впилась в стену его дома, присыпав всю одежду штукатуркой. Многие были склонны считать рассказ этот с обязательным округлением очей за преувеличение, так как дед был крайне тугоух и подслеповат.

За друзьями увязались Смычок с Иттей, вернее, намерения их совпали. Да и не только у них, в овраг, настороженно озираясь, проходили и другие группы рыцарей огнестрельщины. Поначалу четверка расположилась у спуска в овраг, надо было поочередно сделать несколько ходок в магазин за спичками. Спичек шло много, их серные головки прекрасное дополнение к дефицитному пороху.

– Разве это поджиг, – пренебрежительно покривился Пашка при осмотре творения Смычка, – все на соплях, сучок какой-то трухлявый приспособил для ручки, трубочка-то, ха, медь в полмиллиметра, прикрутил аж на алюминиевую проволоку, ты что самоубийца, ведь прилетит в зубы тебе эта трубочка, вот увидишь, закинь ты эту дрянь, Смычок, подальше.

– Да не гляди ты, Пашка, что он такой неказистый, зато смалит ого-гоо! Я этот раз бабке Теплячихе саданул в забор, так насквозь, ни одна дробина не задержалась, – Смычок непроизвольно приосанился и обласкал взглядом свою уродинку.

– Т-так он гнилой з-забор-то, – подсказал Иття.

– Заткнись, тараторка! – замахнулся Смычок. Достал кусочек изоленды и стал любовно пеленать рукоять. Вздыхнул завистливо, у Пашки поджиг был куда привлекательнее и надежнее. То же что извлек пришедший из магазина Вадька его ошеломило, повергло в смятение – картинка, экспонат выставки. Самопальчик этот сделал Антон из эпоксидки, окрашенной в золотисто-зеленоватый тон, трубка посеребрена фольгой, в рукоятке пистолетная пуля и головами к ней три черных жука. Самое же главное, поджиг этот был курковый, заряд поджигался не классическим способом через дырку в трубке, а вольфрамовой нитью от батарейки. Больше того, ствол быстро отвинчивался и заменялся другим, уже заряженным. Это был уже пистолет, даже предки со своим кремневым курком позавидовали бы.

– Р-рот з-закрой, – посоветовал Иття другу.

– Продай, Мерзляка, – заканючил Смычок, – ну, продай, пожалуйста, хоть что проси.

– Отвали, это пока не мой, Тарана, – Вадька выгрузил из карманов спички. – Человек – Бутыль Сельповна, молодец, другая бы разве дала зараз столько. Ты, что ли, Смык, сейчас пойдешь?.. Осторожнее, там Анка ошивается, отлавливает пацанов на лекцию о триппере, общежитским так сулит по три порции на ужин организовать, – он присел на траву и наладился как и все обдирать головки спичек о край охотничьей гильзы. Смычок вздохнул еще тягостнее и поплелся в магазин, перед глазами несбыточной мечтой, неотступно стоял красавец-самопал.

Обратный путь он немного сократил, срезал угол огорода, перескочив через забор. Решил чуть пугнуть товарищей неожиданным появлением. В пустынном огороде ни души и пришла мысль спалить заряд досрочно, тогда перепадет побольше пороховой смеси со спичками из общего котла с Иттей. Заряд в его мортيره был что надо: чистый черный порох и пуля от мелкашки, какие он собирал в тире. Взгляд быстро нашарил мишень – срез крупного сучка на боковой стенке уборной, руки уже стало приятно познабливать знакомым приятным волнением. Он еще раз тщательно огляделся, прицелился и ширкнул коробком по затравочной головке.

Внутренности стали плавно опадать в страшливом секундном ожидании. Шипенье, толчок в ладонь, и в правое ухо вошла пробка временной глухоты. Разгоняя белое облако дыма, Смычок шагнул к цели и окаменел – из уборной, придерживая у колен спущенные штаны, тихо выдавливался мужчина с сильно укоризненными глазами, в потной ладошке его еще теплая пуля, только что затихшая перед ним на полу. Секунды три они пытливо всматривались друг в друга, после чего стрелок резвым кенгуренком ускакал кустами к оврагу.

Уяснив обстановку, Пашка выдал шкоднику пару пинков, и они отступили в спасительную чашу оврага.

А мужчина из уборной вновь вернулся на исходный рубеж, где в тот злополучный день просиживал часами, занедужил человек, бывает.

– Дегенераты, дебилы, шизофреники! – кряхтел он придушенно. – Ну, вы меня еще попомните, морды бурсачьи! Не на того нарвались! Пересажу, сгною, сотру в порошок!

Овраг еле слышно, виновато шумел в ответ сухими кронами деревьев, пузырями в этом омутце полугушины лопались редкие выстрелы.

– Сволочь, шантрапа, недоумки! – откликнулся седок. – Пересажу-уу!..

В серьезность обещаний его можно было верить – юрист со стажем, сожитель Лепетовой, Мерцалов Гавриил Станиславович был способен на многое.

Глава 5

– Мерцалов ищет террориста – Борьба с огнестрельщиной – Смертельная схватка с петухом – Столкновение со Шлаком —

– Ита-аак!..

О как звенит металлом голос директора, как грозно мерцают его глаза из-под насупленных бровей. Плотная стена мальчишек умолкает раньше обычного.

– Ита-ак, – уже тише, весомее повторяет он и еще раз внимательно осматривает строй, – очередные неприятности, очередные чэпэ: пьянка с дракой на закуску, покушение на жизнь человека. Начнем с пьяниц...

Позади директора, рядом с группой родителей провинившихся, нетерпеливо, по-охотничьи переминался с ноги на ногу Мерцалов, глаза его безостановочно шарили по лицам учеников. Лепетова же стояла поодаль, изредка бросала на него настороженные, полные тревоги взгляды.

Вчера, когда она вернулась с работы, он, кряхтя и страдальчески морщась, подсел к столу и положил перед нею расплюснутую пулю. Она долго ничего не могла понять. Он объяснял, что этот кусочек свинца у него могли извлечь из мозга, после трепанации черепа.

– Ой, ты не можешь попроще? – досадливо прервала она его витиеватое повествование, к чему он профессионально имел немалую склонность. – Прямо, как на процессе...

– Цыц! – властно пристукнул он ладонью в стол. – Она меня еще одергивает! Один из твоих параноиков чуть не пришил меня на очке, возьми он на десяток сантиметров левее, по краю горбыля, и все, адью, в висок...

Она, было, запротестовала, стала доказывать, что это, скорее всего, какой-то посторонний хулиган, так как все учащиеся в это время сидели на лекции по вензаболеваниям, а потом дружно отправились в библиотеку на просмотр новой антиалкогольной литературы, потом ужин, спортзал, захватывающая телепрограмма... словом, стрелять детям было попросту некогда. Мерцалов лишь презрительно улыбался на такие аргументы и описал мальчишку, какого примечал на автобусной остановке и ранее. Смыков! ахнула она мысленно.

Боялась, ох и боялась она гнева сожителя, знала, что не остановят его даже их полуродственные чувства, отомстит он мальчишке со всею возможной строгостью, чем поставит под удар и ее, прямо ответственную за все виды правонарушений. Зуб на училищных ребят он имел давно.

Началось же все с того, что его служебный грузовой «Москвич», закрепленный за ним, специалистом, юристом-консультантом райсельхозуправления, однажды прохудился у дома сразу на все четыре колеса. В другой раз, машину угнали, нашли лишь спустя сутки. А в третий раз, тогда он отправился в областной центр, на въезде в город его остановил гаишник и, категорично пощелкивая жезлом по голенищу сапога, велел открыть дверцы багажника, откуда доносилось горестное мычание и бляение. Глазам ошарашенного Мерцалова предстали собственная полугодовая телочка и пара соседских коз, несказанно утомленных пятичасовой поездкой в темноте и духоте.

Заламывая руки, Лепетова вчера умоляла его не поднимать шума, потому как у них с начала года и так уже прошло три уголовных дела, да два кое-как они сумели утаить. Сказала и тут же спохватилась, осознала, что ляпнула лишнее. Он стал было напористо пытаться ее про этих два дела, но она вовремя сориентировалась и выдала безобидную сказочку о хулигани-

стых выходках некоторых шалопаев со склонностью к поборам. На самом же деле случаи были из ряда вон: групповое изнасилование их же ученицы и выявление двух наркоманов.

Мерцалов враз поскучнел, она знала, что он давно мечтал о хорошем факте, поступке или промашке, сильно ее компрометирующих, чтобы взять ее за горло, загнать квартиру, двухкомнатную, в Гумбейске, ей принадлежащую, какую она оставила два года назад, сойдясь с новоиспеченным холостяком, разведенцем Мерцаловым. Квартира – ее тыл, спасательный круг в этом запоздалом первом эксперименте с организацией семьи, с ее утратой полностью утрачивалась бы и ее самостоятельность. Ей ведь уже тридцать шесть, ему – сорок три.

В последнее время она все чаще и чаще склонялась к мысли, что выбор свой Гавриил Станиславович больше основывал не на мало-мальских чувствах, а на ее физических данных, женщина она крупная, крепкая, кости широкой, а у него полон двор скота и птицы. Работенки у нее было теперь по горло, хребет гудел, ноги подкашивались к концу дня, и дней таких бестолково суетных уже отмелькало немало.

Он же от помощи, ввиду частых недугов, помаленьку отошел, ограничился доставкой кормов и ворчливыми указаниями по лучшей организации труда. Она заметно опустилась и даже постарела, что с ужасом констатировали ее городские подруги. Старательность, трудолюбие, природная доброта и желание угодить сожителю ей пока душевного комфорта не приносили – был Мерцалов всегда желчен, раздражителен и всем недоволен.

Сейчас же, на линейке, тревога ее ожидания была больше показной, в душе она ликовала, в ее кабинете, под замком отсиживался Смыков.

Кончилось бичевание юных поклонников спиртного, директорское «итак» снова напиталось мощью и угрозой, воспарило над зашумевшим было строем.

– Итак! – Никодим Петрович заложил руки за спину, отчего сутулость его стала еще более угрожающей, и медленно пошел вдоль строя, тем самым подавляя даже малейшие очажки шопота. – Еще одна гнусность, еще одна выходка, порочащая высокое звание курсанта советского профтехучилища, – произнес он зловеще и резко крутнулся, указуя откинутой рукой на Мерцалова, кто подступил к рядам учащихся вплотную. – Вот этот человек в собственном, э-ээ...

– Сортире...

– Молчать! Человек этот едва не был застрелен дома, и только ничтожная случайность спасла его от гибели. И это в наше мирное время?! от пули?! – уже выкрикнул он в бешенстве и повел совсем освирепевшим взором. – Вам что тут? Чили, Сальвадор или Ольстер?! Мы знаем этого подлеца, его четкий словесный портрет, знаем, но хочется проверить его трусливую душонку, к тому же, за чистосердечное признание полагается скостка, как говорится, повинную шею и меч не берет!..

Мерцалов тем временем отправился вдоль строя, всматриваясь в каждое лицо, разок он даже внедрился в плотную ребячью стенку и вздернул на ноги угревшегося у батареи, задремавшего пацаненка. Ученики к таким розыскам отнеслись неприязненно, стали отпускать реплики.

– Эт-что за ищейка, щщено-холмс?

– Новый помощник Анки, мужик ейный, полставки дали...

– Во, алиментишки пойдут погуще...

– Ишь, старается, ладно еще в наморднике...

– Я бы в такого боровка не промазал...

– Окопик бы вырыл, дядя, да отсиживался пока...

– Все равно не жилец, весь на дрисню выйдет, загинет на днях...

Мерцалов только стискивал зубы и отпыхивался, голову мутило бешенством, различать лица в таком состоянии стало совсем невмоготу.

– Нет, среди этих нету, – разочарованно пожал он плечами, подойдя к директору.

– Ита-ак! Успокоились, успокоились, сюда внимание. Мастерам сразу же после линейки сдать подробные списки отсутствующих на сегодня, а также принести мне в кабинет их личные дела с фотографиями...

Мерцалов кивнул стоящему в отдалении Виктору, по управлению еще знакомы, правда относились друг у другу больше чем сдержанно – случилась разок небольшая размолвка. А вот с Клушей до этого Мерцалов раскланялся подчеркнуто учтиво, поинтересовался здоровьем, производительностью вязания, та, в свою очередь, с неменьшей учтивостью призвала его быть более осторожным, перенести уборную подальше от опасного оврага.

– И последнее! – воздел руку с очками Никодим Петрович. – Если вы помните, с пол-месяца назад, мы тоже разыскивали одного подлеца, обматерившего в автобусе пожилую женщину, годящуюся ему в бабушки, на замечание, что курить в общественном транспорте нежелательно... Потише! Так вот, этого хама мы все-таки сыскали! Сидор Першечкин, такова фамилия этого, с позволения сказать, ученика! Па-апрашу на середину! Что?.. Вот, к тому же он и злостный прогульщик. А за мат он дорого заплатил, дорого в прямом смысле этого слова, его папе пришлось выложить тридцать рубликов штрафа, я думаю, он за это найдет способ отблагодарить сыночка...

– Какому папе? Он у него ведь срок мотает по третьему ходарю?

– Ну, довольно, – поморщился Лыков, взглядываясь в часы. – Опять едва не полурока пролетело. У меня все. Вопросы, сообщения есть у кого?.. Тогда по занятиям, – он сделал повелительную отмашку.

– Итак, – Виктор усмехнулся на невольное подражание. – Итак, в училище чэпэ, едва не застрелен безвинный гражданский человек, специалист-юрист, м-мм... – он хотел продолжить список положительных черт, чтобы обосновать нужность Мерцалова на этом свете, но ничего приличного не наскребывалось. – М-да, специалист, пропагандист политсети... словом, человек, как мы с вами, а стало быть хочет жить: дышать, вкусно кушать, размножаться...

Ребятня запозевала, опять инструкция, нравоучения, советы. Знакомые до тошноты речи, оскоминные и снотворные. Виктор это осознавал, да – скучная инструкция, да – под роспись, да – по категорическому приказу директора, в общем-то мудрая подстраховка от грядущих, пока потенциальных неприятностей. Медсестра уже зарегистрировала две основательные травмы от разрыва стволов, а также одно легкое пулевое ранение.

– Мой долг, – добавил военрук громкости в голос, – открыть вам глаза на опасные последствия этого пагубного увлечения. Не думайте, ребята, что это вы изобрели самопалы, поджиги и прочую стреляющую чепуху. Ваш покорный слуга тоже в свое время переболел всем этим, прошли через это и поколения постарше. Но результат всегда один, как гласит неумолимая статистика, в пострадавших каждый третий из увлеченных. У этого изувечена рука от разрыва ствола, у этого застряла в зубах сорвавшаяся с ложа трубка, а этому ударила по глазам дробь... Кстати, где у нас Скрынников?

– Моль съела без гарнира...

– Под следствием – обокрал собачью конуру...

– У него в семье горе – ослица из его гарема при родах умерла...

– Довольно! Ну, прямо всегдашний конкурс остряков, а может, кое-кому из них в качестве приза заделать гуляш по коридору? Не надо?.. тогда сидите у меня потише, как мышкунорушки. Так вот, как всем вам, обормотам известно, наш Скрынников едва не лишился глаз, когда слишком усердно шомповал заряд из спичек на уроке геометрии. Да серная головка сама готовый капсюль, разве можно ее колотить железом на железе. Запомните, сам факт изготовления огнестрельного оружия, его хранение уже преступление. Мы, когда изъяли у некоторых вольных стрелков самопалы, отнесли к ним пока лояльно, жалеючи, но чувствуется, что

выводов никто из вас пока не сделал, а потому, с этого дня пощады не ждите, дела всех стрелков будут передаваться прямиком в милицию.

– Гы-ы, в милицию, – хмыкнул Пашка, – да у нас в поселке у Тахтароты два раза обрезы отбирали и ничего, ходит с третьим...

– Можно? – появился в дверях Смычок, на плутоватой рожице всегдашняя улыбка.

– Ну, как всегда... Стой теперь до конца урока.

– Так я у Анны Михаловны був, можете спросить, совета у меня просила, ну и раскалялись... А чулы, Виктор Васильевич, новость?.. С Жаботинского-то, штангиста нашего, все награды вчистую посымали, в газетке вот пропечатано.

– Да ну-у, – удивился Виктор. – За что еще?

– Та хиба нэма за що...

– Ты чего, щен, сказать по-человечески не можешь? – вскипел военрук. – И желательно по-русски, без твоих переключений на хохлацкую волну.

Смычок покосился на дверь, словно опасаясь подслушивания, и секретным, пониженным голосом, чем установил мертвецкую тишину в классе, сообщил:

– Та ж у його в задници домкрат знайшлы, – грянул хохот, заставивший испуганно шарахнуться с карниза примлевших голубей.

– Садись, – удрученно потер шею Виктор, – ловко ты меня, воин... Однако вернемся к прерванной нашим комиком теме. Повторяю, подумайте основательно, прежде чем браться за изготовление огнестрельной самоделки...

– Только не помногу думайте, – вклинился Смычок, – а то головы как у лошадей вырастут.

– Ну, хватит!

– Чего он тут про поджиги буровил? – толкнул Смычок в бок Иттю.

– Да р-разное, п-посадить, говорит, могут.

– Ба-а, какое открытие, запиши, а то забудем...

Закончив инструкцию, Виктор приступил у сбору подписей в журнал, заведенный специально только для этой цели. Поучаю, угрожаю, нотации читаю усмехнулся он на себя прерзительно, а сам... Впрочем, случай этот исключительный, ситуация была почти безвыходная, тут же встал он на защиту себя от себя, критика.

В то утро он неожиданно для себя проснулся так рано, что за окном даже и намека-то не было на рассвет. Стал соображать, откуда сигнал подъема? Жуткое сновидение, холод, отлежанные конечности, шумнула жена?

– Кук-кареку! – просипел где-то неподалеку петушиный тенорок.

Вот как, непривычные звуки... Включил ночник, на будильнике половина пятого. Ни хи-хи! Надрывный петушиный вопль повторился. Виктор плотнее закрыл форточку и балкон, залез головой под подушку. Заворочалась, проворчала что-то со сна потревоженная жена. Петушиный пронзительный голосок снова пробился через все преграды. Сон у Виктора крайне чутко и требовал привычки к каждому новому звуку. К примеру, его совершенно не тревожили частый грохот поездов, перебранка диспетчеров на станции, дробь дождика по карнизу, рычание в трубах отопления... но дерзкий петушиный голосок! Он понял, что ждет следующего крика, и тот не заставил себя долго ждать. Интервалы меж этими трелями установились где-то в полминуты. Виктор насчитал тридцать криков и понял – сон под такой аккомпанемент уже не придет. Расжижался мрак, стал виден переплет окна, стрекозы телеантен на соседних крышах, проступил чахлый румянец рассвета.

Виктор оделся и вышел на балкон. Разглядел птицу и не разочаровался в собственных предположениях, назойливая тварь в полном соответствии с никудышностью голоса была мелка и плюгава, но поза источала нахальство и самоуверенность. По всему, сам хозяин кри-

куна выставил клетку под свое затворенное окно на первом этаже тоже не от великого восхищения раннему ору. Неужели кроме меня в настоящий момент никто не слышит этих скотских рулад, подумал он тогда с бешенством, неужели все они такие толстокожие, или я совсем дефективный.

Находилась птица от балкона их пятого этажа метрах в пятидесяти. Действия петушка были отупляюще однообразны, кинокольцовка да и только: три шага, два-три потыкивания клювика в пол клетки, мимолетная чистка перышек, запрокидывание головенки и потужливый крик; снова три шага, поклевка, чистка, крик и так далее. Солист исчерпал силы лишь через сорок пять минут. Это был какой-то феномен, исключение из нормальной немногословной петушиной породы, гибрид с жаворонком или соловьем, так тяготеющих с продолжительным концертам. Виктор все-таки уснул, но проснулся с тяжелой головой, прокопался за бритьем и завтраком и опоздал на служебный автобус. На следующее утро концерт повторился. На третий день он проснулся до петуха, заранее, будто с вечера собирался на рыбалку, так интерес разыграл, долго ли птичка и хозяин выдержат такой график. А ведь это было субботнее утро и можно было перехватить лишний часок оздоравливающего средь недосыпной рабочей недели сна, так как в этот день проводились городские соревнования по военно-спортивному многоборью и начинались они только в десять. Но вот и ожидаемый крик, судорога голосовых связок сумасшедшей птицы. Его аж передернуло от омерзения, неужели никто так и не сможет прекратить эту пытку, им вновь овладевал приступ бешенства.

Хотя было еще совсем темно он вышел на балкон в надежде быстрее успокоиться на свежем воздухе. Он снова увидел своего мучителя в ярком квадрате света, падающего из окна примыкающего к их дому магазина. Смотрелся петушок графичным, четким силуэтом. Как в тире, отметил Виктор и ахнул от снизошедшего осенения.

Спустя пару минут он уже умащивал цевье малокалиберки с диоптрическим прицелом на перила. Сам пристрелял винтовочку для соревнований и как раз на пятьдесят метров. Глубоко раза три вздохнув и заперев дыхание, он припал щекой к прикладу. Свистнул тепловоз, пространство заполнил дальний шум поезда. Петушок понырял клювиком в перьях и начал приосаниваться перед очередным куплетом. Протяжный хлопок, и нарушитель тишины, распахнув крылышки, кувыркнулся, чуть поелозил, словно устраивался на продолжительную спячку и успокоился.

– Чего лыбьтесь-то, Виктор Васильевич? – ухмыльнулся Смычок, выводя в журнале свои каракули. – Как шесть номеров в спортлоте угадали.

– Нет, только пять, – откликнулся Виктор. – Ты смотри мне, клоун, допрыгаешься когда-нибудь, думаешь, не знаю, зачем этот раз дверную ручку на опилки перетирал? Бомбочки с марганца мастыришь, все ручки литые в училище пообрывали, варвары!

– Та вы шо? Хиба я...

– Цыц, садись, умник! Вот выжгешь шаренки, так, ходя ощупкой, здорово в своих шкодах не разгонишься.

– А я Иттенку на оклад в поводыри возьму, или хирургическую операцию с ним сделаем по сращиванию, он будет ходить и смотреть, а я говорить и кушать, как сиамские близнецы станем...

– Т-гаскать на себе этот рюкзак с д-дерьмом?!

– Да я у тебя за пазухой места-то совсем трохи займу, будто ты в бюстгалтере...

– Цыц, говорю, болтун! И как бы тебе с утра приспособиться язык загибосывывать или губенки шнуровать, надоел ведь всем, трепло несчастное! – Виктор, как можно суровее, хмурился, а сам потаенно любовался на мальчишку, умничка! в такой-то неласковой, жесткой среде, где в почете грубая сила, эта шустрая крошка не только стала неуязвимой для этой силы, но и заставила себя уважать, уже выделилась в лидера, пусть небольшого, но очень своеобразного. В бурситете не счесть обратных примеров, подавления личности, ее унижения и распна-

ния, причем, сгибались-ломались, казалось бы, физически крепкие, неглупые особи, но вялые, рыхлые станиной духа.

То, что, порой, выдавал неунывный жизнелюб Смыков тиражировалось и множилось слушателями, заставляло к нему прислушиваться, столь уже явный, заметный авторитет не так-то просто стало без причины обидеть, это бы возмутило другие авторитеты. Ну, а причину такую этот умничка дарить так просто кому-то не собирался.

На перемене к военруку подошел Мешалкин.

– Нам Корнев все показатели режет, Виктор Васильевич, чего с ним делать ума не приложу, раз в неделю заявляется и то урока четыре отсидивает и убегает на часовой автобус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.